

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 6 (54), 2024

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2024

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 6 (54), 2024

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

Head editor: Teslina Olga Vladimirovna

Executive editor: Pankratova Elena Evgenievna

EDITORIAL BOARD:

Dmitrieva Elizaveta Igorevna,
Candidate of Philological Sciences,
Ansimova Olga Konstantinovna,
Candidate of Philological Sciences,
Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology,
Madrakhimov Tulibay Abdukarimovich,
Candidate of Philological Sciences,
Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich,
Doctor of Philosophy in Pedagogical Sciences (PhD),
Popov Dmitriy Vladimirovich,
Doctor of Philological Sciences,
Sheremetyeva Anna Gennadevna,
Doctor of Philological Sciences,
Bobokalonov Ramazon Radzhabovich,
Doctor of Philological Sciences
Saifullaeva Rano Raupovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor
Yakubov Zhamaliddin Abduvalievich,
Doctor of Philology
Ziyamukhamedov Zhasur Tashpulatovich,
Doctor of Philological Sciences
Kilicheva Feruza Beshimovna,
Candidate of Philological Sciences

EDITORIAL STAFF:

Novogradec Marina Jajic, PhD
Loseva-Bakhtiyarova Tanem Valerievna,
Candidate of Philological Sciences
Saidov Yakub Siddikovich,
PhD in Philology
Artamonova Irina Valerievna,
Candidate of Philological Sciences

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G", office 312

E-mail: sciphilology@inbox.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: «Scientific survey» Ltd.

© Publishing House «Scientific survey», 2024

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 6 (54), 2024

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Панкратова Елена Евгеньевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дмитриева Елизавета Игоревна,
кандидат филологических наук,
Анимова Ольга Константиновна,
кандидат филологических наук,
Атаманова Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
Мадрахимов Тулибай Абдукаримович,
кандидат филологических наук,
Рахмонов Азизхон Боситхонович,
доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Попов Дмитрий Владимирович,
доктор филологических наук,
Шереметьева Анна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
Бобокалонов Рамазон Раджабович,
доктор филологических наук
Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук
Якубов Жамалиддин Абдувалиевич,
доктор филологических наук
Зиямухамедов Жасур Ташпулатович,
доктор филологических наук
Киличева Феруза Бешимовна,
кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Новоградец Марина Яйич,
доктор филологических наук
Лосева-Бахтиярова Танем
Валерьевна, кандидат
филологических наук
Саидов Якуб Сиддикович,
доктор филологических наук
Артамонова Ирина Валерьевна,
кандидат филологических наук

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312

E-mail: sciphilology@inbox.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Научное обозрение»

===== CONTENTS =====

Literature of Peoples of the Russian Federation

Agerzhanokova S.R.
JOURNALISM OF D.I. GULIA.....6

Literary Studies

Wendina A.S.
CREATIVITY OF A.S. PUSHKIN AND ITS REFLECTION
USING A NEURAL NETWORK WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE MODERN SOCIOCULTURAL CONTEXT.....10

Ermolina N.V.
TRANSLATION OF ERNST OTTHWALT'S ARTICLE
«NOTES ON ALFRED DÖBLIN'S NOVEL “BERLIN ALEXANDERPLATZ”».....13

Applied and Computational Linguistics

Zenkov A.V., Zenkov N.A.
THE GREAT RECLUSES PYNCHON AND SALINGER:
A COMPARATIVE STYLOMETRIC ANALYSIS OF TEXTS.....17

Zenkov A.V.
NUMERALS AND AUTHORSHIP: A STYLOMETRIC
COMPARISON OF GERMAN-LANGUAGE MODERNIST TEXTS.....24

Philological sciences

Rina Lapidus
JEWS IN BULGARIAN CINEMA.....34

СОДЕРЖАНИЕ

Литература народов Российской Федерации

- Агержаноква С.Р.*
ПУБЛИЦИСТИКА Д.И. ГУЛИА.....6

Литературоведение

- Вендина А.С.*
ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОННОЙ СЕТИ В РАМКАХ
СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА.....10
- Ермолина Н.В.*
ПЕРЕВОД СТАТЬИ ЭРНСТА ОТВАЛЬТА
«ЗАМЕТКИ К РОМАНУ АЛЬФРЕДА ДЁБЛИНА “БЕРЛИН АЛЕКСАНДРПЛАЦ”».....13

Прикладная и математическая лингвистика

- Зенков А.В., Зенков Н.А.*
ВЕЛИКИЕ ЗАТВОРНИКИ ПИНЧОН И СЭЛИНДЖЕР:
СРАВНИТЕЛЬНОЕ СТИЛОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТОВ.....17
- Зенков А.В.*
ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И АВТОРСТВО: СТИЛОМЕТРИЧЕСКОЕ
СОПОСТАВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МОДЕРНИСТСКИХ ТЕКСТОВ.....24

Филологические науки

- Рина Латидус*
ЕВРЕИ В БОЛГАРСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ.....34

УДК 80

ПУБЛИЦИСТИКА Д.И. ГУЛИА

С.Р. Агержанокова, ведущий научный сотрудник отдела литературы
Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева (Майкоп), Россия

***Аннотация.** Вопрос становления национальных языков, литературной традиции и системы публицистики малых народов России XIX века был актуален не только для самобытности культуры, но и для императорского правительства, которое видело необходимость в развитии не только устной традиции передачи языка, традиций и творчества, но и в формировании общей культурной группы, которая станет основой для множества поколений. Одним из первопроходцев в данном направлении, для абхазского народа, считается Д.И. Гулиа, творчество и литературная деятельность которого оценивается современниками, как основополагающая для формирования абхазской литературы.*

***Ключевые слова:** абхазская литература, Д.И. Гулиа, публицистика, развитие языка и культуры, творчество, просветительская деятельность.*

XIX век был периодом разносторонних изменений, как для всей Российской Империи, так и для народов населявших эту многонациональную страну. Но в целом, его можно охарактеризовать, как время становления литературных традиций, которые стали основой для современного языка и культуры.

При этом, можно отметить и тот факт, что изменения были постоянной чертой публицистики в XIX веке, во многом обусловленной быстрым экономическим, социальным и технологическим развитием. Развитие почтовой службы, печатного дела, рекламы и торговли, а также растущий военно-морской сектор позволили распространению новостей, публикаций и литературных произведений выйти далеко за пределы крупных городов. Кроме того, ежедневные газеты стали еще более распространенным, а репортажи стали более систематическими. Все это приводило к тому, что грамотные люди стремились закрепить свои знания и навыки среди представителей своих национальных групп. Что вело к активному распространению научного знания за пределами крупных центров.

Вслед за просвещением популярность стали набирать идеи национального самоопределения. С одной стороны, они активно изучались правительством, как несущие угрозу единству страны, но с другой, несли созидательный характер, который активно был перенят идеологами марксизма и коммунизма. Последние опираясь на народные массы смогли показать, что грамотный человек, имеющий самоидентификацию – это не просто раб, а полноценный гражданин имеющий право, возможность и перспективное будущее. И именно такая политика формирующейся Советской власти дала толчок для развития и закрепления литературных форм национальных языков [3, с. 260-272].

Ярким примером преобразований в данном направлении стала публицистическая деятельность Дмитрия Иосифовича Гулиа, который, родившись в конце XIX века (1874 году), уже в сознательном возрасте застали потрясения и изменения, коснувшиеся политической и культурной сторон жизни Российского государства.

Важно отметить, что еще в конце XIX века году вопрос литературного самоопределения абхазцев оказался довольно сложным, что было связано, как с территориальными, так и национальными проблемами, связывающими их с грузинами. Но, в 90-е годы была сформирована рабочая группа по составлению абхазского алфавита, куда вошел и Д.И. Гулиа, который, понимал, что турецкое и грузинское влияние на словесность и письменную культуру могут полностью

искоренить национальную составляющую абхазцев. Как результат, в 1892 году был принят модифицированный алфавит Услара-Завадского, который просуществовал до 1926 года и стал применяться не только в религиозных книгах, но также в научной и художественной литературе и публицистике [1, с. 44-49].

Стремясь сохранить традиции своего народа и распространить знание национального языка, культуры и традиций Д.И. Гулия, работая в университете в Тбилиси, преподает не только абхазский язык, но также возглавляет театральную группу, что позволило в период с 1921 по 1926 гг. перевести в печатную форму большой пласт национальных сказаний, народных преданий и поучительных эпосов. В данном ключе Гулия опирался как на символизм, так и на историзм, и как многие другие писатели малых народов России он стремился обращать внимание не только на самобытность народа, но связывал ее с окружающей красотой и величием пейзажей [2, с. 344-372]. Они стали основой для его глубокого исследования истории развития абхазского народного творчества. Кроме того, в этот период Гулия составил терминологический словарь по литературе и языкознанию, а также учебники и хрестоматии. Перевел на абхазский язык стихи Пушкина, Шевченко, Чавчадзе, Церетели и др. Данное направление позволило не только распространить литературные произведения среди жителей Абхазии, но и обогатить словарь, который разрабатывался литератором на протяжении многих лет.

В данном ключе необходимо отметить, что сегодня, потомки говорят о том, что Гулия был одним из первых абхазов, задокументировавших сказки и легенды местных сказителей, и его публикация «Абхазских пословиц, загадок и скороговорок» в 1907 году и «Стихов и частушек» в 1912 году ознаменовала не только начало абхазской литературы, но и охватило гораздо более широкий пласт культуры начала XX века, так как публицистика писателя легла в основу светской литературы. С другой стороны, творчество Гулия описывают как новое веянье в прозе, что по своей основе указывает на ориентацию в сторону народа и народных традиций [4].

Так, его публицистика в 1919-1920 гг. в газете «Апсны» («Абхазия») была отмечена советскими властями и в 1921 году газету национализировали и переименовали в «Апсны Капшь» («Красная Абхазия»). Публикации посвященные жизни народа, такие как «Под чужим небом», оказались близки советской идеологии, что привело к тому, что публикуемые на национальном языке произведения не переводились на протяжении нескольких лет. Сам Гулия так же не видел смысла в переводе рассказов написанных об абхазах на русский язык, так как считал, что при переводе пропадает как национальный колорит, так и теряется дух произведения. Однако, попытки перевода осуществлял неоднократно.

За годы существования «Апсны» идет процесс публикации, как серьезных прозаических произведений, раскрывающих народные образы, так и поэтических творений писателя, которые во многом опираются на фольклор. И если опираться на данные исследователей, то можно отметить, что сюжетные линии касались таких проблем, как природа и родной край, поучительные истории и сатира. Безусловно, любовная лирика так же имела место быть, однако, она сильно уступает сюжетам изображающим красоту и очарование Абхазии.

Важно подчеркнуть, что образы природы и красоты мира быстро сошли с листов журнала. Под воздействием стремительно меняющейся действительности – смены политической власти и нарастанием революционных волнений, перетекающих в гражданскую оппозицию – произошел переход к общественно-политической линии публикаций. И возможно, именно наличие созвучных идей национального роста и развития стали залогом того, что публицистика Гулия воспринималась советскими властями, как вспомогательная в процессе присоединения территорий к новому Советскому государству. Так, к полемике таких писателей как Д.И. Алания и М.А. Лакрба, Д.И. Гулия дал довольно лояльный, с одной стороны, и радикальный, с другой стороны ответ, указав, что статья «Хватит уже» описывает реальные проблемы размывания абхазского народа и потери культуры, но не претензии научных деятелей смогут спасти народ, и не политические дебаты, а конкретные мероприятия. И в этом направлении он действительно работал, в то время как вышеупомянутые литераторы ругаясь на страницах журнала в жизни могли спокойно взаимодействовать не обращая внимания на то, что в действительности происходит с абхазами и Абхазией.

«Апсны», несмотря на то что и была национализирована, сохраняла свой национальный колорит и народный формат. Она сохранила первоначальный замысел литератора - в искоренении безграмотности среди населения и создания образа свободного народа, который может получить

светлое будущее, искоренив ряд пороков. Последние оказались в ряду с политической борьбой за свободу и независимость и «Апсны Капшы» активно пользовалась этими идеями [4].

При этом, Д.И. Гулиа отходит от работы в журнале и обращает свою деятельность в более глубокий – научный формат. Что стало особенностью его творческой деятельности, и даже, по мнению современников способствовало тому, что он смог избежать репрессий 30-х годов. Научная деятельность Гулиа была обращена к изучению истории абхазского народа, путем обращения к фольклору, различным упоминаниям об абхазах в работах древних путешественников, географов и историков. Так, в 1920 году он издает «Абхазский календарь», в котором впервые были использованы национальные обозначения, однако широкого распространения данная работа не получила. И в 1924-1926 гг. его публицистическая деятельность приостанавливается именно из-за работы над «Историей Абхазии». Последняя стала серьезным поисковым трудом, включающим в себя не только отрывочные знания об абхазах, их традициях и особенностях развития государственных форм, но и давшая основу для широкого общественного интереса за счет умелого сочетания исторических фактов с этно-лингвистическим материалом. Безусловно, его цель – сформировать такое направление как абхазоведение и сделать его одним из направлений в изучении мировой истории не была осуществлена в полном объеме, но говорить о том, что данные изыскания стали важным вкладом в общую историю Абхазии принято и сегодня [1, с. 44-49].

Последующая публицистическая деятельность так же была направлена на этнографические особенности абхазцев, описание их культуры, традиций и обычаев, что особенно ярко прослеживалось в работах о культурах и приметах (1928 года).

Как результат, Гулиа избежал худших советских репрессий в 1930-х годах. Кроме того, его поисковая и этнографическая деятельность была отмечена высшим советским руководством. В 1937 году он был удостоен звания Народного поэта СССР, а в конце 1930-х годов работал над романом «Камачыч», который был опубликован в 1940 году. В данном произведении рассматривается судьба абхазской женщины, как образ того, как сложно сохранить и передать следующим поколениям накопленный предками опыт и как трудно быть постоянным в этом меняющемся мире.

И изменения коснулись деятельности самого литератора, так, под определенным давлением ему пришлось согласиться на публикацию брошюры «О моей книге «История Абхазии». чтобы избежать репрессий Гулиа указывает на то, что история Абхазии и истории Грузии – неразрывно связаны, как и история самих народов населяющих эти территории, кроме того, народы настолько тесно связаны, что сложно отделить один от другого. Такая позиция, безусловно, могла бы целиком опровергнуть все достижения писателя, однако, одна брошюра не смогла нивелировать всю поисковую, публицистическую и этнографическую деятельность Д.И. Гулиа. Кроме того, ориентируясь на новые веяния писатель стал обращаться к театральным постановкам и публиковал пьесы для народного театра, опираясь на эпос абхазцев.

Подводя итог можно отметить, что публицистическая деятельность Д.И. Гулиа опиралась на ряд ключевых направлений, которые тесно переплелись с историческими, культурными и национальными темами. Это привело к тому, что сам писатель не мог однозначно утверждать свою принадлежность ни к прозаикам, ни к поэтам. Кроме того, его научно-поисковая деятельность так же не говорит об однозначности творческой линии.

Однако, на протяжении всей жизни Дмитрий Иосифович стремился к самому главному – обозначить уникальность культуры Абхазии, ее самобытность и ценность для будущих поколений. Возможно, именно эта позиция стала ключевой для советских властей, которые увидели потенциал народного литератора для распространения собственных идей. Как результат, его признали Народным поэтом, к нему прислушивались и за всю свою творческую жизнь в советском государстве Гулиа не притеснялся.

Он также перевел большое количество литературных классиков на абхазский язык. Свою первую пьесу «Призраки» он написал в 1946 году. Со второй половины 1940-х годов и до своей смерти Гулиа громко протестовал против мер, которые угрожали абхазскому языку и культурному развитию. Его протесты отражены в темах его поэзии, большая часть которой пронизана сильным чувством истории. Кроме того, опираясь на звание Народного поэта СССР Гулиа активно переписывался с высшим руководством страны, требуя отделения всего абхазского от грузинского, указывая на претеснение абхазской культуры и народа и стремясь к закреплению национального самоопределения абхазцев как отдельного народа со своей уникальной историей и государственными формами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асанова, Д.А. Сохранение и развитие родного языка и культуры в условиях многонационального государства // Теория и практика современной науки. – 2017. – №2 (20). – с. 44-49.
2. Бигуаа, В.А. Символические образы камня и гор в литературах народов Абхазии и Северного Кавказа // Studia Litterarum. – 2021. – №4. – с. 344-372.
3. Гулин, А.В. Международная научная конференция "русская литература и национальная государственность XVIII-XIX вв.": замысел, итоги и перспективы // Два века. – 2020. – №4. – с. 260-272.
4. Первопроходец во всем и патриарх абхазской литературы. Дмитрий Гулиа//<https://abaza.org/pervoprokhodets-vo-vsem-i-patriarkh-abkhazskoy-literatury-dmitriy-gulia>

Материал поступил в редакцию 29.10.24

JOURNALISM OF D.I. GULIA

S.R. Agerzhanokova, Leading Research Officer of the Literature Department
T.M. Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies (Maykop), Russia

***Abstract.** The issue of the formation of national languages, literary tradition and the system of journalism of the small peoples of Russia of the 19th century was relevant not only for the originality of culture, but also for the imperial government, which saw the need to develop not only the oral tradition of transmitting language, traditions and creativity, but also in the formation of a common cultural group, which will become the basis for many generations. One of the pioneers in this direction, for the Abkhaz people, is D.I Gulia, whose work and literary activity is assessed by contemporaries as fundamental for the formation of Abkhaz literature.*

***Keywords:** Abkhaz literature, D.I. Gulia, journalism, development of language and culture, creativity, educational activities.*

УДК 821.161.1

**ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОННОЙ СЕТИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА****А.С. Вендина, магистр**

Московский педагогический государственный университет (Москва), Россия

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены понятие медиаобраз, медиаобраз А.С. Пушкина, создаваемый посредством репрезентации нейросети его творчества, включенность данной репрезентации в дискурс нейронных сетей. Связь данных феноменов действительности с игровым дискурсом, а также отражение данного дискурса как отражение существующих культурных и социальных кодов, заданность данного дискурса различными социальными группами и институтами и его открытость для взаимодействия. Открытость игрового дискурса как нейросетевого и его возможности для межкультурных и междисциплинарных коммуникаций.*

***Ключевые слова:** медиаобраз, репрезентация нейросети, рецепция, нейросетевой дискурс.*

Фигура А.С. Пушкина представляет большой интерес для рассмотрения в филологическом и медийном пространстве как фигура важная, актуальная, интересная для рассмотрения в реалиях сегодняшних дней. Это связано и с художественно-культурным наследием его творчества, яркой биографией, заметной фигурой, вызывающей интерес для рассмотрения с помощью современных медиа техник и возрастающей популярностью использования нейронных сетей. В аспекте данного рассмотрения можно отметить тенденцию обращения к данному образу в связи с философией игр, философией виртуального пространства, научными основами рассмотрения понятия медиа образа.

Понятие медиа образ содержит в себе следующие коннотации:

1) Медиа коммуникация – отражение реалий коммуникации сегодняшних дней и её восприятия как личного, так и группового.

2) Медиа образ – отражение психологического представления какой-либо фигуры посредством репрезентации в СМИ. Носит характер как задаваемый непосредственно с конкретной целью определенными СМИ, так и носящий открытый коммуникативный характер. Содержит в себе яркие запоминающиеся, легко воссоздающиеся черты и акцентуации.

3) Медийная картина мира – реальность СМИ и современных средств коммуникаций. Особая социокультурная модель современной репрезентации мира и его составляющих, феноменов как материальной, так и нематериальной действительности, типичных видов коммуникации. Как задаваемая с определенной целью определенными СМИ, как и отражение реалий и феноменов сегодняшних дней, также носящая характер открытой самоорганизующейся системы [2, 4].

Нейросеть «Яндекс» к 225-летию А.С. Пушкина создала творческий проект «Наше всё». В нём было создано 3 трейлера, изображения для которых создала нейросеть: поэма «Руслан и Людмила», повесть «Пиковая дама», повесть «Капитанская дочка». В данной работе будет уделено внимание рассмотрению поэмы «Руслан и Людмила» и её интерпретации нейросетью [6].

В данном проекте был использован такой способ художественной репрезентации как трейлер (возможно также рассмотрение данного культурного феномена как буктрейлер, но в меньшей степени, в связи с яркой кинематографичностью данного итогового произведения культуры нейросетей). Для данной формы взаимодействия, трейлера, характерны следующие характеристики:

1) особая структура: сжатая форма, краткость и ёмкость, 2) динамика, 3) «клиповость», 4) насыщенность эмоциями, 5) событиями, 6) культурно-значимыми символами и кодами, 7)

направленность на впечатление зрителя действиями, воспроизводимыми на экране, 8) яркие, захватывающие визуальные образы, 9) ритмичность музыкального сопровождения, 10) следование генеральной сюжетной линии, 11) репрезентация самых эффектных сторон, поворотов сюжета, 12) яркие музыкальные приемы. [В. Буланов].

Так же для трейлера характерна трехчастная структура с обязательным сохранением интриги: а) завязка, б) представление главных героев, в) представление главной истории, г) «перебивки» – переломные моменты изменения хода событий, д) «акценты» – также переломные моменты смены ходов событий, поворотов сюжета [1, 3, 5].

Буктрейлер помимо перечисленных выше характеристик берет также на себя функцию издательской аннотации, интерес к прочтению текста книги. В данной работе будет рассмотрен трейлер поэмы «Руслан и Людмила». Заголовок имеет название: ««Руслан и Людмила» как фэнтези-сага». В этом проекте идет сочетание в себе изложение истории А.С. Пушкина через визуальную призму творчества и философии фэнтези, очень напоминающую стилистику Х. Миядзаки. Под визуальной репрезентацией поэмы содержится комментарий Романа Каткова о актуальности данной истории в современном культурном пространстве как анимационной, насыщенной последними техническими средствами мультипликации и связью с современностью, несмотря на сказочный историзм, посредством юмора и реминисценцией с сегодняшними днями. Длительность трейлера – 1.51 м., содержание текста основано на непосредственном литературном первоисточнике с небольшими изменениями. Ниже представлен текст, сопутствующий анимации:

Рассказчик: «С друзьями, в гряднице высокой».

Закадровый голос: «Лучники».

Рассказчик: «Владимир-солнце пировал;»

Черномор: «Моею будет век Людмила,

Руслан же гробу обречен!».

Рассказчик: «И вот Руслан далеко мчится;

В глуши лесов, в глуши полей.».

Владимир, закадровый голос: «Где? Где Людмила?!».

Рассказчик: «Привычной думою стремится.

К Людмиле, радости своей,».

Людмила: «Не нужно мне твоих шатров,».

«Умру среди твоих садов!».

Смех Наины.

Руслан: «Неси меня к моей Людмиле».

Черномор: «О рыцарь, сжался надо мной;».

Слова Владимира, но в лице Финна: «Сей подвиг будет не напрасен».

Как было замечено ранее, написанная поэма А.С. Пушкина очень напоминает визуальную призму Х. Миядзаки и важные стилистические и знаковые смыслы, характерные для данного художника-аниматора: это основа благополучия мира в высоких нравственных ценностях, понимании культурной традиции различных народов, отсылки к современным культурным ситуациям, серьезное отношение к окружающей действительности и вместе с тем понимание её эсхатологической «чуждести», волшебной чудесной таинственности происходящего [7].

Насыщенность природными образами: такими как лес, различные ландшафты, протекание сюжета в пространстве небес, между небом и землей. Определение человека как хозяина своей судьбы, насыщенность фольклорными образами, встреча с «чудесным» – как инициация героев, игра с современными деталями, затрагивающими зрителя: прорисовка пира, еды, заставка кота ученого в виде аниме прорисованной стилистике фильма «Мой сосед Тоторо», современные движения героев и одновременно движение героев в аниме стилистике: Людмила, Наина, полёты, военные битвы, главные планы, главные планы на фоне розовых весенних цветущих деревьев и др. Самой знаковой анимационной фигурой проекта: «Наше всё» – является фигура кота-учёного, если у Миядзаки – совокупность различных духов существ, хранителей леса, то в данном восприятии фигуру кота можно рассмотреть как духа хранителя всего творчества А.С. Пушкина, всего его литературного наследия, фигуру яркую, запоминающуюся, насыщенную русскими культурными кодами и символами и вместе с тем, имеющий мировой художественный характер и насыщенности мировыми кодами фигуры кота.

Герой Руслан представлен как герой странник, отшельник, путешественник, рыцарь, воин, защитник. Людмила же тесно связана с окружающим пространством, центрированная в одном месте, волей судьбы, попавшая в царство влюбленного в неё волшебника. Главным объединяющим для истории содержится то, что во взаимной искренней любви – истина. Сама репрезентация: соединение поэмы А.С. Пушкина в соответствии с медиа дискурсом, игровым дискурсом, нейросетевым дискурсом открыта для репрезентации и приглашает к сотворчеству.

На основе всего вышеперечисленного можно увидеть, что фигура А.С. Пушкина включена в современный как традиционно филологический, так и медийный контекст. Включена как персона, автор, с которым возможно взаимодействие в рамках современного культурного поля, автор, дающий пространство для собственного восприятия и собственной репрезентации для участников социокультурного общения. Данный процесс имеет двусторонний характер: как цель, увидеть на практике, возможно ли включение фигуры А.С. Пушкина в реалии современного времени, если да, то каким образом. Как сохраняется уникальность, авторский почерк, и как заложенные смыслы становятся снова актуализированными и востребованными в различном восприятии. С помощью игры, заданной цели для работы нейросети, реципиенты открывают заново фигуру писателя, она становится ещё более живой и созвучной не только в аспекте российского культурного кода, но и международного. Репрезентация писателя и его творчества носит характер технологичности, использования современных средств связей и технологичных форм, личность А.С. Пушкина, созвучно и его исторически-биографическому контексту, является достаточно публичной и ярко проявляющей себя в формах вербального так и невербального выражения. Перспектива дальнейшего исследования состоит в дальнейшем рассмотрении современной репрезентации фигуры А.С. Пушкина и его творчества посредством нейросетей, так и современного медийного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буланов, Е.В. Трейлер как феномен современной экранной культуры [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/treyler-kak-fenomen-sovremennoy-ekrannoy-kultury> (Дата обращения: 31.10.2024).
2. Галинская, Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-problema-ego-rekonstruktsii-v-sovremennoy-lingvistike> (Дата обращения: 31.10.2024).
3. Глазкова, Е.А. Медиаимбиозы в экранных искусствах [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediasimbiozy-v-ekrannyh-iskusstvah> (Дата обращения: 31.10.2024).
4. Драчева, Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-ego-opisanie-v-yazykovedcheskom-i-neyazykovedcheskom-aspektah> (Дата обращения: 31.10.2024).
5. Зондзе, Э.А. Буктрейлер как жанр издательского дискурса [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/buktrejler-kak-zhanr-izdatelskogo-diskursa> (Дата обращения: 31.10.2024).
6. Наше всё [Электронный ресурс]: <https://ya.ru/project/pushkin-225-let/index> (Дата обращения: 01.11.2024).
7. Трифонова, Л.Л. Мифопоэтический аспект творчества Х. Миядзаки [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskiy-aspekt-tvorchestva-h-miyadzaki> (Дата обращения: 31.10.2024).

Материал поступил в редакцию 02.11.24

CREATIVITY OF A.S. PUSHKIN AND ITS REFLECTION USING A NEURAL NETWORK WITHIN THE FRAMEWORK OF THE MODERN SOCIOCULTURAL CONTEXT

A.S. Wendina, Master
Moscow State Pedagogical University (Moscow), Russia

Abstract. *This article considers the concept of a media image, a media image of A.S. Pushkin, created through the representation of the neural network of his work, the inclusion of this representation in the discourse of neural networks. The connection of these phenomena of reality with game discourse, as well as the reflection of this discourse as a reflection of existing cultural and social codes, the assignment of this discourse by various social groups and institutions and its openness to interaction. Openness of game discourse as a neural network and its possibilities for intercultural and interdisciplinary communications.*

Keywords: *media image, neural network representation, reception, neural network discourse.*

УДК 82.09

**ПЕРЕВОД СТАТЬИ ЭРНСТА ОТВАЛЬТА
«ЗАМЕТКИ К РОМАНУ АЛЬФРЕДА ДЁБЛИНА “БЕРЛИН АЛЕКСАНДРПЛАЦ”»***

Н.В. Ермолина

Москва, Россия

E-mail: natashaermon17@yandex.ru

***Аннотация.** Статья немецкого писателя Эрнста Отвальта «Заметки к роману Альфреда Дёблина “Берлин Александрплац”» поступила в издание журнала «Интернациональная литература» в 30-е г. XX в., но не была опубликована ни в русском, ни в немецком изданиях журнала. В ней представлена критика самого известного романа Дёблина «Берлин, Александрплац. Повесть о Франце Биберкопфе». Отвальт анализирует сильные и слабые стороны произведения, а также политическую позицию автора и «провалы» в последующих работах Дёблина, в частности романа «Вавилонская прогулка». Материал статьи впервые вводится в научный оборот, что позволяет дополнить представление о восприятии творчества Альфреда Дёблина его бывшими соотечественниками, эмигрировавшими в СССР в 30-е гг. XX в.*

***Ключевые слова:** Эрнст Отвальт, Альфред Дёблин, роман «Берлин, Александрплац», роман «Вавилонская прогулка», социальная критика, политическая позиция, творческий метод.*

Немецкий писатель Эрнст Отвальт (нем. Ernst Ottwalt) родился 13 ноября 1901 года в г. Ципнов, Западная Пруссия, Германская империя. В 1932 году была издана его книга «Путь Гитлера к власти: история национал-социализма» («Deutschland erwache! Geschichte des Nationalsozialismus»). В ней он раньше многих обратил внимание на опасность триумфа национал-социалистического движения в Германии. 10 мая 1933 г. произведения этого писателя попали в составленный Вольфгангом Херрманном список книг, подлежащих сожжению во время проведения «Акции против негерманского духа». Вследствие этих событий Отвальт покинул Германию. Сначала он отправился в Данию, а потом в Чехословакию. В конечном итоге писатель приехал в СССР в 1934 г. и остался в Москве. Здесь он начал публиковать свои художественные произведения и критические статьи в журнале «Интернациональная литература». Журнал публиковался в Москве с 1933 по 1943 гг. и выходил сразу на нескольких языках: русском, французском, английском и немецком [2, с. 6]. С 1933 г. по 1935 г. журнал выпускался раз в два месяца, а в 1935 г. он стал публиковаться ежемесячно [Там же]. Эрнст Отвальт входил в редколлегию немецкого издания журнала с 1933 г. В то время руководителем немецкого издания был Р. Бехер, а в редколлегию также входили Ганс Гюнтер, Вилли Бредель, Сергей Третьяков, Эрих Вайнерт, Фридрих Вольф и другие [Там же]. Статьи Отвальта публиковались в немецком издании журнала «Интернациональная литература» вплоть до 1936 года. Так в № 6 за 1934 г. была опубликована его статья «“Восстание рыбаков”. Замечания к первому звуковому фильму Эрвина Пискатора», в № 2 за 1935 г. — статья «Экзамен. Роман Вилли Бределя из концлагеря» («Die Prüfung. Willi Bredels Roman aus einem Konzentrationslager»), а в № 8 за 1936 г. было опубликовано прозаическое произведение Отвальта «Портрет генерала» («Portät eines Generals») [3, с. 101-135]. В 1936 г. он был арестован по обвинению в шпионаже. Эрнст Отвальт скончался в 1943 году в лагере под Архангельском.

В 1933-1936 гг. в издательство журнала «Интернациональная литература» поступила статья Эрнста Отвальта «Заметки к роману Альфреда Дёблина “Берлин Александрплац”» (машинопись с правками редактора) [4]. Однако она так и не была издана. В ней Отвальт раскрывает особенности поэтики Дёблина, пишет о восприятии романа читателями и критиками, указывает на недостаточное количество навыков в анализе политической ситуации у Дёблина. Статья дает представление об одном из направлений критики творчества Альфреда Дёблина в СССР в 1930-е гг., а также о политических взглядах самого Эрнста Отвальта.

Заметки к роману Альфреда Дёблина «Берлин Александерплац»

Берлинскому невропатологу и писателю Альфреду Дёблину было почти пятьдесят лет, когда в 1930 году вышел его роман «Берлин Александерплац». Еще задолго до этого официальная литературная критика Веймарской республики высоко ценила его, имя писателя всегда стояло во главе «рейтингового списка» современной немецкой литературы, но его редко читали, а широкая читательская аудитория относилась к нему не столько с интересом, сколько с каким-то почтительным отчуждением.

Так получилось, потому что этого писателя трудно отнести к какой-либо категории. Если к причудливым шуточкам в стиле «кабаре», которые он публиковал под псевдонимом «Левая рука» («Linke Foot»), мы уже привыкли, то книга со странным названием «Тайна лютика» потребовала новых суждений с новых точек зрения. Чудаковатый, ироничный, циничный невропатолог писал и писал, в метро, в ночные часы, в часы консультаций – всегда и везде он острой, больной рукой заносил заметки, диалоги, афоризмы, рукописи в неподъемные листы бумаги или бланки рецептов. Постоянно в движении, всегда вразрез с признанными «направлениями» в немецкой литературе, всегда одержимый формальными экспериментами, движимый странным пристрастием к необычному, исполненный желанием превратить неоспоримое в противоречие, сказать то, что уже тысячу раз было сказано, но по-новому, движимый диким, необузданным воображением, которое толкало его на все новые экстравагантности – так появлялись его книги. Роман в китайском антураже «Три прыжка Ван-Луны», безумная клоунская история «Борьба Вадцека с паровой турбиной» и великий роман «Валленштейн», антиутопический роман о будущем «Горы моря и гиганты». Высокоразвитый мозг и тонкая способность реагировать на самые странные веяния характеризуют этого писателя, который блуждал между трансмиграцией и социализмом, дизельными двигателями и китайской поэзией, ледниковым периодом и теорией относительности, Буддой и Лениным. После такого развития писательского стиля Альфреда Дёблина понятно, что его роман «Берлин Александерплац» произвел необычайную сенсацию: энергичный, резкий поворот к реализму именно этого писателя был единственным, который привлек столько внимания.

Но история Франса Биберкопфа, люмпена-пролетария, усталая душа которого, наконец, находит успокоение в ампула «получателя чаевых», в конце концов, не эта банальная история стала причиной сенсации. Когда буржуазные литературные критики приветствовали этот роман восторженным восклицанием: «Вот это Берлин!», они просто ошибались; ведь Берлин в романе – это Берлин, каким он предстает перед глазами практикующего врача, который каждый день видит вокруг себя трудности, преступления, несчастья, извращения, едва завуалированный и лишь слегка благоухающий порок, не задаваясь – от полного упадка сил, усталости, жалости и слабости – вопросом об их причинах или о возможностях их преодоления. Фон, на котором разворачивается история жизни Биберкопфа, не виден, не виден реальный Берлин, город, в котором в то время пролетариат численностью в несколько сотен тысяч человек вел ожесточенную, страстную борьбу против фашизации Германской республики. Альфред Дёблин знал этот Берлин, но не показывал его: ни героическую борьбу, ни его духовную силу, ни его холодный гнев, ни лучезарное тепло пролетарской солидарности, которые также наполняли и согревали ледяной погреб мира «Александерплац». Он довольствовался, и этого ему было достаточно, изображением частички огромного мира, оторванного от всех глубинных социальных контекстов. Виртуозное владение литературными средствами не могло заслонить от него эту ограниченность творческого метода, которая коренилась в политических познавательных способностях Дёблина и его социальном положении.

Берлинские рабочие обсуждали этот роман на вечерах массовой критики и отвергли его, но не его автора. Пролетарские писатели Германии пытались примириться с Дёблином, но эта битва за великого писателя Дёблина велась на сектантской платформе. Это приходится констатировать, даже если признать, что Дёблин сделал все возможное, чтобы серьезная идеологическая дискуссия на высоком уровне стала невозможной, выступая с ядовитыми замечаниями, в частности, против писателей-коммунистов.

Она была тогда – и, в определенной степени, сохраняется и сегодня, несмотря на все, что произошло с того времени – возможность того, что Альфред Дёблин пересмотрит основы своего творческого метода или признает слабости своей социальной критики, по-настоящему постигнув реальность. Этот вопрос можно было задать только в то время, и последующее творческое развитие Дёблина должно было ответить на него. Именно вопрос о буржуазном социальном романе, о

социальной критике был в центре полемики о творчестве Дёблина в то время. Не только критики, но и он сам рассматривал «Александрплац» как новое и важнейшее возрождение социальной критики, и здесь речь шла прежде всего о формальном элементе романа, на котором основывались подобные суждения.

В «Александрплац» Дёблина проявляется сильное влияние Джеймса Джойса – он никогда этого не отрицал, – также легко распознать и следы влияния «42-ой параллели» Джона Дос Пассоса. В то время буржуазные литературные критики Германии твердо верили, что можно возродить социально-критический роман с формальной точки зрения, переняв и развив технику Джойса – литературный жанр, который уже пробился в молодую пролетарско-революционную литературу Германии того времени. Все те формальные элементы, которые пронизывали творчество Дёблина от «Тайны лютика» до «Гор морей и гигантов» и от которых он не мог освободиться даже в своем самом реалистическом произведении «Валленштейн», в «Александрплац» получили особенно ясное выражение и особенно сильное воздействие, потому что они были подкреплены силой особенно правдивой жизненной темы. Но уже «Александрплац» показывает все опасности, которые таит в себе такая безнадежная попытка оживить буржуазный социально-критический роман с формальной стороны, не привлекая в круг рассмотрения исторического содержания современности, борьбы пролетариата в целом, не говоря уже о том, чтобы взять его в качестве исходного пункта этой самой критики.

К сожалению, дальнейшее развитие Дёблина в ужасающей степени подтвердило правильность наших тогдашних прогнозов. Он не прошел испытание миграцией. Он провалился настолько, что даже самые суровые его критики вряд ли считали это возможным. Целью данной статьи является не столько анализ его политической позиции, сколько анализ его литературного творчества, но его телеграмма фашистскому «Имперскому ведомству по распространению немецкой литературы» («Reichsstelle zur Förderung des deutschen Schrifttums»), в которой он, один из первых двенадцати запрещенных писателей, отрекается от журнала «Коллекция» («Die Sammlung») и его буржуазно-антифашистских тенденций, с самого начала вызвала опасения худшего. На приход Гитлера к власти Дёблин отреагировал сборником эссе «Еврейское обновление», в котором он предстает как воинствующий сионист и сетует на то, что «еврейский народ» больше не является «народом рыбаков и охотников». Здесь выяснилось, что ледяной мыслитель так глубоко сдал перед возникновением национал-социализма, что не видел другого выхода, кроме как бежать в еврейскую мистику крови и земли, которая отличается от национал-социалистической мистики только своим семитским знаком. В этой книге есть фразы, которые можно найти в любой фашистской книге. Здесь Дёблин говорит о «правлящей первоизданной силе, которая строит мир», восхваляет «единого властного Бога, который есть справедливость и милосердие, но милосердие только для тех, кто подчиняется справедливости». И открытие Дёблином «Бога-фюрера» также является прекрасным примером культа фюрера.

Если можно было предположить, что эта книга останется крушением, результатом тяжелого потрясения, которое будет вновь преодолено, то роман Дёблина «Вавилонская прогулка, или Гордость предшествует падению», опубликованный в 1934 году, свидетельствует о почти шокирующем упадке его творческих сил. Фабулу этой книги невозможно передать в нескольких словах, плоскость ее структуры соперничает с неправдоподобностью описываемых мистических событий. Сюжетная линия зарастает и захлебывается заумной пеленой игривой безвкусицы, и снова и снова автор вставляет себя в сюжет в парантезе, в кощунствах, в шутках, в восклицаниях в скобках. Идеологическое содержание этой книги – совершенный агностицизм. Дёблин отражает и отождествляет себя с буржуазией, которая не знает иного отношения к собственному падению, кроме бессмысленного самобичевания, что, конечно, не мешает ей проявлять к наследникам и хранителям старой культуры только презрение, ненависть и напыщенное пренебрежение.

Формальное мастерство, характерное для «Александрплац» и сделавшее ее, несмотря ни на что, важной книгой, теперь превратилось в самоцель, в блеф, в безвкусный китч, призванный сделать идеологическое банкротство немецкого писателя приемлемым. Путь от «Александрплац» к «Вавилонской прогулке» может быть долгим и извилистым, но он прямой, и Дёблин выбрал его с полным осознанием.

Поэт Александрплац мертв. Где-то в эмиграции немецкий писатель Альфред Дёблин сидит в башне из слоновой кости своей культурной интеллигентности. Ни аргументы, ни призывы не доходят до человека, чьи книги сжигали национал-социалисты. Ни одна акция немецких писателей в защиту

свободы духа не находит его поддержки. Мужественную борьбу своих больших друзей Лиона Фейхтвангера и Генриха Манна против гитлеровского фашизма он сопровождает тупой, высокомерной улыбкой глупца, который думает, что понимает мир именно потому, что не понимает его. И ни один мост, ни одна дорога, кажется, не ведут из нынешнего положения Дёблина в будущее.

** Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00303 «Советский исторический нарратив 1920-30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования» (<https://rscf.ru/project/23-18-00303/>)*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дёблин, А. Берлин-Александрплац: Повесть о Франце Биберкопфе / пер. с нем., предисл. М. Алевского. – М.: Гослитиздат. – 1935. – 549 с.
2. Internationale Literatur: Moskau, 1931-1945. Bibliogr. einer Ztschr. H. - Bd. 1: Titelerzeichnis / Bearb. von Christa Streller u. Volker Riedel; Mit einem Vorw. von Heinz Willmann. Berlin: Aufbau, Weimar, 1985. 323 S.
3. Internationale Literatur: Moskau, 1931-1945. Bibliogr. einer Ztschr. H. -Bd. 2: Register / Bearb. von Christa Streller u. Volker Riedel; Mit einem Vorw. von Heinz Willmann. Berlin: Aufbau, Weimar, 1985. 210 S.
4. Ottwalt, E. Bemerkungen zu Alfred Döblins "Berlin Alexanderplatz" // РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 5. Ед. хр. 23. Л. 38.

REFERENCES

1. Döblin Alfred "Berlin-Aleksanderplac: Povest' o France Biberkopfe", per. s nem., predisl. M. Alewski ["Berlin-Alexanderplatz: The Tale of Franz Biberkopf", translated from German, foreword by M. Alewski]. Moscow, Goslitizdat Publ. 1935. 549 p. (In Russ.).
2. Internationale Literatur: Moskau, 1931-1945. Bibliogr. einer Ztschr. H. - Bd. 1: Titelerzeichnis / Bearb. von Christa Streller u. Volker Riedel; Mit einem Vorw. von Heinz Willmann. Berlin: Aufbau, Weimar, 1985. 323 S. (In German).
3. Internationale Literatur: Moskau, 1931-1945. Bibliogr. einer Ztschr. H. -Bd. 2: Register / Bearb. von Christa Streller u. Volker Riedel; Mit einem Vorw. von Heinz Willmann. Berlin: Aufbau, Weimar, 1985. 210 S. (In German).
4. Ottwalt E. Bemerkungen zu Alfred Döblins "Berlin Alexanderplatz" // РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 5. Ед. хр. 23. Л. 38. (In German).

Материал поступил в редакцию 15.10.24

TRANSLATION OF ERNST OTTHWALT'S ARTICLE «NOTES ON ALFRED DÖBLIN'S NOVEL "BERLIN ALEXANDERPLATZ"»

N.V. Ermolina

Moscow, Russia

E-mail: natashaermon17@yandex.ru

Abstract. *The article «Notes on Alfred Döblin's novel "Berlin Alexanderplatz"» by the German writer Ernst Ottwalt was received by the magazine "International Literature" in the 1930s, but was not published in either the Russian or German editions of the magazine. It presents a critique of Döblin's most famous novel, «Berlin, Alexanderplatz. The Tale of Franz Biberkopf». Ottwalt analyses the strong and weak points of the work, as well as the author's political stance and 'failures' in Döblin's later works, in particular the novel «Babylonian Wandering». The material of the article is introduced into scientific discussion for the first time, which allows to complete the idea about the perception of Alfred Döblin's work by his former compatriots who emigrated to the USSR in the 30s of the twentieth century.*

Keywords: *Ernst Ottwalt, Alfred Döblin, novel «Berlin Alexanderplatz», novel «Babylonian Wandering», social criticism, political stance, creative method.*

УДК 51-78, 519.234.3, 519.257, 81-139

**ВЕЛИКИЕ ЗАТВОРНИКИ ПИНЧОН
И СЭЛИНДЖЕР: СРАВНИТЕЛЬНОЕ
СТИЛОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТОВ***

А.В. Зенков, кандидат физико-математических наук, доцент,
кафедра Математического анализа,
Уральский федеральный университет (Екатеринбург), Россия

Н.А. Зенков, бакалавр,
Институт цифровых технологий управления и информационной безопасности,
Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург),
Россия

***Аннотация.** Количественный метод изучения авторского стиля литературных текстов, основанный на анализе статистики встречающихся в них числительных, применен к англоязычным текстам. Показано, что манера использования числительных индивидуальна для каждого автора; совокупность числительных является авторским инвариантом, различающим тексты разного авторства. Выполнен стилометрический анализ литературных произведений Дж. Сэлинджера и Т. Пинчона – представителей литературного постмодернизма США. Обнаружены различия в использовании авторами числительных. Результаты анализа подвергнуты иерархической кластеризации, показывающей близость стилей двух авторов.*

***Ключевые слова:** стилометрия, стилеметрия, количественная лингвистика, атрибуция текстов, авторство текстов, числительные в тексте, Дж. Д. Сэлинджер, Т. Пинчон.*

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование относится к стилометрии. Стилометрия (и, шире, количественная лингвистика) – количественное изучение авторских особенностей текстов, в т.ч. для их атрибуции – до настоящего времени не имеет вполне удовлетворительного универсального рабочего метода [9; 10]: в анализируемых текстах подсчитываются частоты встречаемости знаменательных частей речи и служебных слов (предлоги, союзы), средние длины слов и предложений, самые часто встречающиеся слова (известная «дельта Барроуза» [2]) и даже буквосочетания (как ни странно, такой подход может давать неплохие результаты). К сожалению, разные методы часто приводят к противоречивым выводам, поэтому целесообразно совместное использование нескольких методов.

Вероятно, вскоре искусственный интеллект сможет успешно решать задачи количественной лингвистики [6], но содержательная интерпретация результатов при таком подходе практически невозможна, поскольку сам метод является «чёрным ящиком».

Нами разработан оригинальный стилометрический метод анализа авторских текстов, основанный на учёте использования авторами числительных в их текстах [12-16]. Среди знаменательных частей речи именно числительные по своей природе наиболее легко поддаются количественному учёту. Применительно к художественному (не жёстко фактографическому) тексту, порожденному свободной фантазией, естественно предположить, что употребление числительных связано с психологическими особенностями автора, незаметно для него самого влияющими на творческий результат. Следовательно, манера использования числительных – это авторская особенность (*fingerprint*), позволяющая при определённых обстоятельствах решить проблему

авторства текста. Главное условие – достаточно большой размер текста, обеспечивающий статистическую устойчивость результатов (универсальное требование для статистических методов).

В отличие от всех перечисленных методов, именно анализ использования числительных почти не зависит от перевода текста на другой язык (структура языка может оказывать лишь небольшое влияние на статистику числительных: в англоязычном словосочетании *tenth anniversary* будет обнаружено числительное, тогда как в его немецком аналоге *zehnjähriges Jubiläum* – нет). Это позволяет при недоступности оригинального текста на данном языке воспользоваться его доступным переводом, а также количественно сопоставлять тексты авторов, творивших на нескольких языках (А. Стриндберг, С. Беккет, В. В. Набоков, ...). В методе Барроуза [2], с его учётом самых высокочастотных слов, такой универсальности нет: практически любое слово (кроме числительного) допускает неоднозначный перевод на другой язык.

Изучение произведений нескольких десятков авторов на русском, чешском, английском языках выявило ощутимые авторские особенности употребления числительных в текстах, влияние на них жанра, стиля, художественного направления [12-16]. Таким образом, результаты анализа допускают содержательное филологическое истолкование.

Настоящее исследование преследует двоякую цель: во-первых, подкрепить новыми примерами развиваемый нами подход к задачам стилометрии [12-16]; во-вторых, на основе этого подхода выполнить количественный анализ произведений Дж. Д. Сэлинджера и Т. Пинчона – классиков литературного постмодернизма США. Мы проанализируем с точки зрения использования числительных их самые объёмные произведения.

«Великие затворники» (или молчаливники) Сэлинджер (J. D. Salinger, 1919-2010) и Пинчон (Th. R. Pynchon, род. 1937) были едины в нелюбви к публичности, нежелании посвящать посторонних в свою личную жизнь – настолько, что ставилось под сомнение само существование писателя Пинчона (не дающего интервью, избегающего контактов с литературными кругами, не фотографирующегося): авторство его произведений приписывалось Сэлинджеру на основании сходства их литературных стилей. Опубликованное литературное наследие Сэлинджера невелико; у Пинчона ещё недавно появлялись новые произведения. Сравнительному литературно-критическому анализу их творчества посвящены многочисленные публикации [1; 3; 4; 8; 11].

К существующему филологическому анализу творчества названных авторов вряд ли что-нибудь можно добавить, мы же в настоящей работе применим формальный квантитативный подход к их текстам, что, насколько нам известно, ещё не делалось.

2. МЕТОД И ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нами разработана компьютерная программа, отыскивающая в англоязычном тексте количественные и порядковые числительные, выраженные как цифрами (числа), так и словесно в разных словоформах. Программа автоматически убирает из текста фразеологизмы (*to play first fiddle*) и устойчивые сочетания (*fifth column*), случайно (без авторского замысла) содержащие числительные.

Предварительно из текста вручную удаляются числительные, играющие техническую роль: номера страниц, глав, перечисления 1), 2), 3), ... и т.п.

Поскольку статистические методы хорошо работают на длинных текстах, анализировались либо объёмные произведения, либо сборники рассказов. Выполнен анализ следующих текстов:

Дж. Д. Сэлинджер:

- *The Catcher in the Rye* («Над пропастью во ржи»), 1951 – роман;
- *Nine stories*, 1948–53 – сборник рассказов, составленный самим Сэлинджером (“A Perfect Day for Bananafish”, “Uncle Wiggily in Connecticut”, “Just Before the War with the Eskimos”, “The Laughing Man”, “Down at the Dinghy”, “For Esmé: – with Love and Squalor”, “Pretty Mouth and Green My Eyes”, “De Daumier-Smith’s Blue Period”, “Teddy”);
- *Stories*, 1940–48 – ранние рассказы (“The Young Folks”, “Go See Eddie”, “The Hang of It”, “The Heart of a Broken Story”, “The Long Debut of Lois Taggett”, “Personal Notes of an Infantryman”, “The Varioni Brothers”, “Both Parties Concerned”, “Soft-Boiled Sergeant”, “Last Day of the Last Furlough”, “Once a week Won’t Kill You”, “Elaine”, “A Boy in France”, “The Sandwich Has No Mayonnaise”, “The Stranger”, “I’m Crazy”, “Slight Rebellion off Madison”, “A Young Girl in 1941 with No Waist at All”, “The Inverted Forest”, “A Girl I Knew”, “Blue Melody”).

Т. Пинчон:

- *V.*, 1963 – роман;

- *The Crying of Lot 49* («Выкрикивается лот 49»), 1966 – роман;
- *Vineland*, 1990 – роман;
- *Mason & Dixon*, 1997 – роман;
- *Against the Day* («На день погребения Моего»), 2006 – роман;
- *Inherent Vice* («Внутренний порок»), 2009 – роман;
- *Bleeding Edge* («Край навывлет»), 2013 – роман;
- *Slow Learner: Early Stories* («Неторопливый ученик»), 1984 – сборник ранних рассказов.

Некоторые числовые характеристики текстов представлены в табл. 1.

На выбор авторских текстов для анализа повлияла возможность свободного доступа к ним в сети Интернет. К сожалению, некоторые важные произведения были нам недоступны.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

Для предварительной оценки схожести/различий в использовании авторами числительных мы вычислили для каждого текста обратную плотность числительных (частное от деления размера текста на количество содержащихся в нём числительных). Чем меньше обратная плотность, тем чаще в тексте встречаются числительные.

Разброс значений обратной плотности среди текстов Пинчона больше, но, в целом, различия между текстами двух авторов не очень велики (см. табл. 1).

Заметим, что в сборниках рассказов (№№8, 10, 11) встречаемость числительных выше – естественно, что в каждом рассказе автору требуется заново вводить читателя в обстоятельства места и времени повествования, а это почти неизбежно требует использования числительных.

После предварительного анализа встречаемости числительных в целом мы перешли к отдельному учёту каждого числительного в текстах. Результаты исследования авторского использования числительных были подвергнуты иерархическому кластерному анализу [5; 7], объединяющему объекты (здесь: тексты) в кластеры по принципу подобия – в нашем случае схожести абсолютных частот встречаемости числительных 1, 2, 3, ..., 6 в текстах (эти числительные присутствуют во всех проанализированных текстах, среди последующих числительных начинаются пропуски). Поскольку тексты существенно различаются по объёму (см. табл. 1), для сопоставимости частот пришлось ввести поправочные коэффициенты. Эталонным текстом для сравнения послужил роман *Inherent Vice* Пинчона. Поэтому, например, для романа *Vineland* Пинчона частоты умножались на $696\,546 / 813\,326 = 0,86$, а для *The Catcher in the Rye* Сэлинджера – на $696\,546 / 383\,836 = 1,81$.

Мерой сходства в кластерном анализе является метрика ρ («расстояние»): чем меньше «расстояние» между объектами, тем больше сходство между ними. Мы применили манхэттенскую метрику

$$\rho(x, y) = \sum_i^n |x_i - y_i|, \quad (1)$$

где x и y – n -мерные векторы, компонентами которых являются исправленные абсолютные частоты первых n натуральных чисел, встречающихся в двух сравниваемых текстах (здесь $n = 6$).

В процессе кластеризации использован метод дальнего соседа (Complete linkage method) [5], который приводит к образованию компактных изолированных кластеров.

Результаты кластеризации, представленные на дендрограмме (рис. 1), ещё раз показывают близость текстов двух авторов с точки зрения встречаемости числительных.

Как известно, выбор метрики и метода кластеризации невозможно строго обосновать; между тем, они могут существенно повлиять на результаты кластеризации. В нашем случае результаты оказались достаточно устойчивыми; другие разумные комбинации метрики и метода кластеризации лишь несущественно меняют дендрограмму.

Дополнительную информацию об авторском использовании числительных можно извлечь из рис. 2, на котором представлен фрагмент частотного распределения числительных из диапазона (1; 30) в некоторых произведениях рассматриваемых авторов:

- 1) Частота встречаемости числительных быстро уменьшается с ростом числительных;
- 2) Наблюдаются локальные максимумы на числительных 10, 20, 30, ... Они объяснимы известной психологической особенностью предпочтения «круглых» чисел;

3) Становится заметным различие между текстами Пинчона и Сэлинджера: первый применяет числительные разнообразнее и чаще.

Таблица 1

Встречаемость числительных в исследованных текстах

№	Автор, текст	Объём (байты, кодировка UTF)	Количество числительных	Обратная плотность числительных
1	Pynchon, <i>V</i>	1 013 530	1784	568
2	Pynchon, <i>The Crying of Lot 49</i>	271 013	402	674
3	Pynchon, <i>Vineland</i>	813 326	921	883
4	Pynchon, <i>Mason & Dixon</i>	1 521 469	1914	795
5	Pynchon, <i>Against the Day</i>	2719753	2744	991
6	Pynchon, <i>Inherent Vice</i>	696 546	688	1012
7	Pynchon, <i>Bleeding edge</i>	868 097	1055	823
8	Pynchon, <i>Slow Learner</i>	311 018	510	610
9	Salinger, <i>The Catcher in the Rye</i>	383 836	496	774
10	Salinger, <i>Nine stories</i>	308 276	619	498
11	Salinger, <i>Stories</i>	505 723	927	546

4. ВЫВОДЫ

В рамках разрабатываемого нами подхода к задачам стилометрии, основанного на анализе статистики числительных в (литературных) текстах, впервые выполнено формальное количественное сопоставление художественных стилей Пинчона и Сэлинджера. Анализ подтверждает неоднократно высказывавшееся мнение о близости этих стилей. Обнаружены некоторые авторские различия в манере использования числительных. Привлечение для анализа текстов разных методов кластеризации усиливает значимость полученного результата и подтверждает его неслучайный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alsen, E. (2002) A readers guide to J. D. Salinger. Greenwood Press, Westport. ISBN 0-313-31078-5.
2. Burrows J. Delta: a Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship / J. Burrows // *Literary and Linguistic Computing*. 2002. 17(3). Pp. 267–287.
3. Chambers, J. (1992) Thomas Pynchon. New York: Twayne Publishers; Toronto: Maxwell Macmillan Canada; New York: Maxwell Macmillan International. 254 p. ISBN 0-8057-3960-2.
4. Dalsgaard, I. H., Herman, L., McHale, B. (2012) *The Cambridge Companion to Thomas Pynchon*. Cambridge Univ. Press. 213 p. ISBN 978-0-521-76974-7.
5. Gan G., Ma C., Wu J. (2007) *Data Clustering: Theory, Algorithms, and Applications*. Society for Industrial and Applied Mathematics. 466 p. DOI: 10.1137/1.9780898718348.
6. La Inteligencia Artificial ayuda a descubrir una obra desconocida de Lope de Vega en los fondos de la BNE, Biblioteca Nacional de España, <https://www.bne.es/es/noticias/inteligencia-artificial-ayuda-descubrir-obra-desconocida-lope-vega-fondos-bne> (Accessed: November 3, 2024).
7. Moisl H. (2015) *Cluster Analysis for Corpus Linguistics*. De Gruyter Mouton. 381 p. ISBN:9783110350258.
8. Mueller, B. F.; Hochman, W. (2011). *Critical Companion to J. D. Salinger: a Literary Reference to His Life and Work*. New York: Facts on File. ISBN 978-0816065974.
9. Stamatatos E. A survey of modern authorship attribution methods // *J. Amer. Soc. for Information Science and Technology*. 2009. No. 60(3). Pp. 538–556.
10. Tempestt N., Kalaivani S., Aneez F., Yiming Y., Yingfei X., and Damon W. *Surveying Stylometry Techniques and Applications* // *ACM Comput. Surv.* 2017, No. 50(6), Article 86, 36 pages.
11. Weisenburger, S. (1988) *A Gravity's Rainbow Companion*. Univ. of Georgia Press, Athens (Georgia). 345 p. ISBN 0-8203-1026-3.
12. Zenkov A.V. A Method of Text Attribution Based on the Statistics of Numerals // *J. of Quantitative Linguistics*. 2018. No. 25(3). Pp. 256–270.
13. Zenkov A.V., Místický M. The Romantic Clash: Influence of Karel Sabina over Macha's Cikani from the Perspective of the Numerals Usage Statistics // *Glottometrics*. 2019. No. 46. Pp. 12–28.
14. Zenkov A.V. Stylometry and Numerals Usage: Benford's Law and Beyond // *Stats* 2021. No. 4. Pp. 1051–1068.

15. Zenkov A., Místecký M. Young Vladimír Vašek? – A Numerals Analysis Contribution to the Bezruč–Hrzánský Identity Issue // *Naše řeč*. 2022. No. 105(3). Pp. 151–161.

16. Zenkov A.V. Under a False Flag: Literary Hoaxes and the Use of Numerals // *Litera*. 2023. No. 10. Pp. 86–109. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.10.68743>.

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-00750, <https://rscf.ru/project/23-28-00750/>, проект «Разработка нового метода стилометрии на основе статистики использования числительных в авторских текстах»

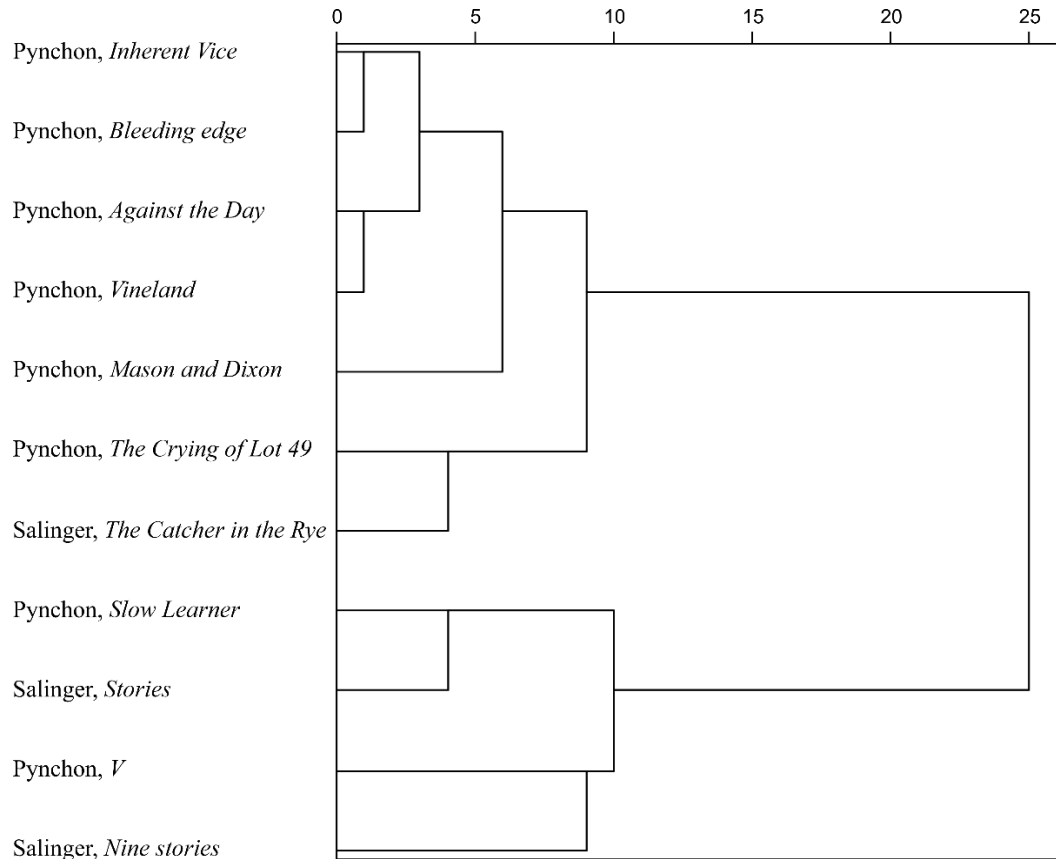

Рисунок 1. Результат применения иерархического кластерного анализа к текстам Т. Пинчона и Дж. Сэлинджера (при кластеризации использованы метод дальнего соседа, манхэттенская метрика). По горизонтальной оси указано «расстояние» в произвольных единицах

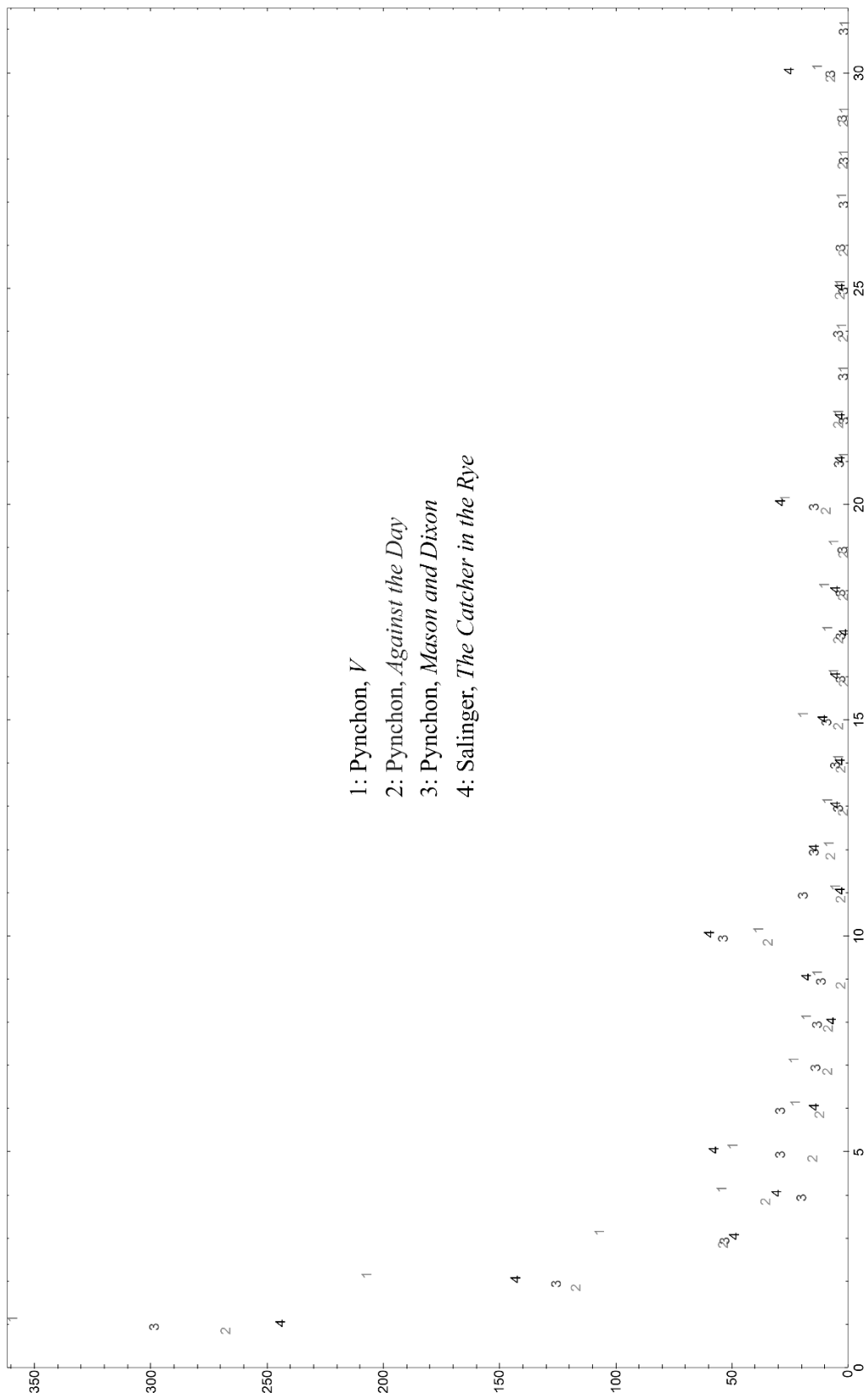

Рисунок 2. Фрагмент частотного распределения числительных из диапазона (1; 30) в некоторых произведениях Т. Пинчона и Дж. Сэлинджера. По оси ординат указана частота числительных после введения поправочных коэффициентов для учёта разного размера текстов

Материал поступил в редакцию 09.11.24

**THE GREAT RECLUSES PYNCHON AND SALINGER:
A COMPARATIVE STYLOMETRIC ANALYSIS OF TEXTS**

A.V. Zenkov, Associate professor, PhD (Phys. & Math.), Dept. of Mathematical Analysis,
Institute of Natural Sciences and Mathematics, Ural Federal University (Ekaterinburg), Russia

N.A. Zenkov, BSc (Information technologies),
Institute of Digital Technologies of Management and Information Security, Ural State University of
Economics (Ekaterinburg), Russia

***Abstract.** The quantitative method of studying the author's style of literary texts, based on the analysis of statistics of numerals occurring in them, is applied to English-language texts. It is shown that the numerals used by the author in the (fiction) text are individual for each author; their combination is a characteristic feature (author's invariant) distinguishing texts by different authors. A comparative stylometric analysis of literary texts by T. Pynchon and J. D. Salinger – representatives of American literary postmodernism – is performed. A noticeable difference in the way the authors use numbers is observed. The results of the analysis were subjected to hierarchical clustering, correctly distributing the texts according to authorship. Thus, the new method of stylometry is able to successfully attribute literary texts.*

***Keywords:** stylometry, quantitative linguistics, attribution of texts, text authorship, numerals in texts, Thomas Pynchon, Jerome David Salinger.*

UDC 51-78, 519.234.3, 519.257, 81-139

NUMERALS AND AUTHORSHIP: A STYLOMETRIC COMPARISON OF GERMAN-LANGUAGE MODERNIST TEXTS*

A.V. Zenkov, Associate professor, PhD (Phys. & Math.),
Dept. of Mathematical Analysis, Institute of Natural Sciences and Mathematics,
Ural Federal University (Ekaterinburg), Russia

Abstract. *The study pertains to the field of quantitative linguistics. The quantitative method of studying the author's style of literary texts, based on the analysis of statistics of numerals occurring in them, is applied to German-language texts. Cardinal and ordinal numerals expressed both numerically and verbally are taken into account. Before analyzing the text, all non-authorial numerals (such as pagination) are removed. It is shown that the numerals used by the author in the (fiction) text are individual for each author; their combination is a characteristic feature (author's invariant) distinguishing texts by different authors. A comparative stylometric analysis of literary texts by T. Mann, H. Broch, R. Musil, E. Canetti – representatives of German-language literary modernism – is performed. A noticeable difference in the way the authors use numbers is observed. The results of the analysis were subjected to hierarchical clustering, correctly distributing the texts according to authorship. Thus, the new method of stylometry is able to successfully attribute literary texts.*

Keywords: *stylometry, quantitative linguistics, attribution of texts, text authorship, numerals in texts, Thomas Mann, Hermann Broch, Robert Musil, Elias Canetti.*

1. INTRODUCTION

Our study has two main objectives: firstly, to provide new examples to support our approach to the problems of stylometry [24], and secondly, based on this approach, to conduct a quantitative analysis of the works by T. Mann, H. Broch, R. Musil, and E. Canetti – classics of 20th-century German-language modernist literature.

Stylometry (and, more broadly, quantitative linguistics) still does not have a completely satisfactory universal working method [19, 20]: some studies consider the frequencies of occurrence of content and function words (prepositions, conjunctions), average word and sentence lengths; in a pair of analyzed texts, one compares the most frequently used words common for both texts (the well-known “Burrows delta” [5]) and even letter combinations (oddly enough, the latter approach often demonstrates good results). Unfortunately, different methods often lead to controversial conclusions, so it is more reliable to use several methods together.

Promising results have been obtained using neural networks, and it seems that soon, artificial intelligence will be able to successfully solve problems in quantitative linguistics [12]. Nevertheless, meaningful interpretation of results within this approach remains problematic, since the method itself is a *black box*.

The study of apocrypha (starting with the biblical [17] and Shakespearean [23]), cases of dubious authorship (M. Ageyev [18], B. Traven [6]) and fictitious authorship (Émile Ajar [1]), forged memoirs (Misha Defonseca [11]) are examples of tasks in which stylometric methods can be useful.

We have developed an original stylometric method for analyzing authorial texts based on the authors' use of numerals in their texts [24]. Among the content words, numerals by their nature are the easiest to quantify. With regard to literary texts, the content of which is not rigidly tied to real-life events, but generated by free imagination, it is natural to assume that the use of numerals is associated with the author's psychological features which imperceptibly for him influence the result of his creative work. Consequently, the manner of numerals use is an author-specific feature (or fingerprint), which allows, under certain circumstances, to solve the problem of text authorship attribution.

Note that, unlike all the methods listed above, it is the analysis of the use of numerals that is almost independent of the translation of the text into another language (the structure of the language may have a *slight* effect on the statistics of numerals: in the English phrase *tenth anniversary* a numeral will be found,

while in its German equivalent *zehnjähriges Jubiläum* it will not). This makes it possible, when the original text in a given language is unavailable, to use its accessible translation, as well as to quantitatively compare the texts of authors who wrote in several languages (A. Strindberg, S. Beckett, V.V. Nabokov, ...).

The study of the works of several dozens of authors in Russian, Czech, and English revealed tangible authorial features in the use of numerals in texts, the influence of genre, style, and artistic direction on them [24]. Thus, the results of the analysis allow for a meaningful philological interpretation.

By now we have developed a computer program that identifies numerals in German-language texts, and in this work the objects of study will be German-language literary texts for the first time. We will analyze some works by Thomas Mann (1875-1955), Hermann Broch (1886-1951), Robert Musil (1880-1942), and Elias Canetti (1905-1994) from the point of view of the use of numerals.

T. Mann is recognized as one of the most prominent representatives of German literary modernism (with all the vagueness of this concept) [8, 21, 22]. In Austria, such a description could be given to Musil [2, 3, 8, 16] (less well-known to the general public and less prolific as a writer, but comparable to Mann in the artistic merits of his works) and Broch [8, 10] (author of prose, poetry, philosophical and political essays). Their younger contemporary Canetti, who is considered more of a postmodernist, was distinguished by the versatility of his work: from a novel, plays, and artistic autobiography to an extensive compilation treatise "Crowds and Power" claiming to be scientific [7, 14].

Hardly anything can be added to the existing literary and critical examination of the works of these writers. In this paper, we will apply a formal quantitative approach to their texts, which, to our knowledge, has not been done before.

2. METHOD AND OBJECTS OF RESEARCH

Our computer program scans the German-language text for cardinal and ordinal numerals, expressed both in numbers and in words in various forms. The program automatically eliminates idiomatic expressions (*im siebenten Himmel*) and fixed phrases (*die fünfte Kolonne*), which *accidentally* contain numerals.

The numerals not related to the authors' creative ideas were manually deleted from the text beforehand – such as page and chapter numbering, itemizations 1), 2), 3), etc.

The following texts were analyzed:

T. Mann:

- *Königliche Hoheit* («Royal Highness»), 1909 – novel;
- *Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull* («Confessions of Felix Krull»), 1922–54 – novel;
- *Der Zauberberg* («The Magic Mountain»), 1924 – novel;
- *Lotte in Weimar*, 1939 – novel;
- *Doktor Faustus* («Doctor Faustus»), 1947 – novel;
- *Erzählungen* – a collection of short stories [13] including *Herr und Hund*, *Der Knabe Henoch* (Fragment), *Die vertauschten Köpfe*, *Die Betrogene*, *Fiorenza*, *Gesang vom Kindchen*.

H. Broch:

- *Die Schlafwandler* («The Sleepwalkers»), 1932 – novel;
- *Die Entsühnung* («The atonement»), 1933 – a play;
- *Die Verzauberung* («The Spell»), published 1976 – novel;
- *Gedichte* – The complete collection of poems [4].

R. Musil:

- *Die Verwirrungen des Zöglings Törless* («The Confusions of Young Törless»), 1906 – novel;
- *Der Mann ohne Eigenschaften* («The Man without Qualities»), 1932 – novel.

E. Canetti:

- *Masse und Macht* («Crowds and Power»), 1962 – non-fiction prose;
- *Die gerettete Zunge* («The Tongue Set Free»), 1977 – a fictionalized autobiography.

Some numerical characteristics of the texts are presented in Table 1.

The choice of texts for analysis was influenced by their availability for free download on the Internet. Unfortunately, some important works were not available, even though the copyright protection period for most of them had long expired.

3. RESULTS

For a primary assessment of the similarity/differences in the authors' use of numerals, we calculated the inverse density of numerals for each text (the result of dividing the volume of the text by the number of numerals contained in it). The lower the inverse density, the more often numerals appear in the text.

Noteworthy is the appreciably lower value of the inverse density for Musil's texts (which turned out to be the same to within tenths of a fraction in both analyzed works!) compared to the texts of other authors: Musil *more often* resorts to numerals.

As for Canetti's texts, with their very different densities of numerals, this result provides a preliminary answer to the question discussed in literary criticism: whether *Crowds and Power* should be attributed to fiction or to texts modeled on scientific ones. It is indeed a text that claims to be scientific. We will return to this issue later.

The texts by Mann and Broch differ slightly in the inverse density of numerals. Poems (by Broch), quite expectedly, have the highest inverse density of numerals: in poetry, numerals are less common than in prose.

After examining the general use of numerals in the texts, we proceeded to a separate account of each numeral. The differences in the authors' use of numerals become apparent when we apply hierarchical cluster analysis [9, 15], which groups objects (here: texts) into clusters based on their similarity – in our case, the similarity of the absolute frequencies of occurrence of the numerals 1, 2, 3, 4, 5 in the texts (these numerals are present without exception in all analyzed texts, subsequent numerals are found with gaps). Since the texts differ significantly in volume (see Table 1), correction factors had to be introduced to make the frequencies comparable. Mann's *Der Zauberberg* served as the reference text for comparison. Therefore, for example, for *Königliche Hoheit* the frequencies were multiplied by $2,075,077 / 751,961 = 2.76$, and for *Der Mann ohne Eigenschaften* by Musil – by $2,075,077 / 4,437,225 = 0.47$.

The measure of similarity in cluster analysis is the metric ρ ("distance"): the smaller the "distance" between objects, the more similar they are. We applied the Manhattan metric

$$\rho(\mathbf{x}, \mathbf{y}) = \sum_i^n |x_i - y_i|, \quad (1)$$

where \mathbf{x} and \mathbf{y} are n -dimensional vectors, the components of which are the corrected absolute frequencies of the first n natural numbers occurring in the two analyzed texts (here $n = 5$).

In the clustering process, we used the far neighbor method, also known as the Complete linkage method [9], which leads to the formation of compact isolated clusters.

In the initial phase, we grouped together only literary works by Mann, Broch, and Musil. They were reasonably distributed into clusters according to authorship (Figure 1).

Conclusions:

1) The uniqueness of Musil's writings is confirmed. But now it becomes clear which numeral is responsible for the high frequency of numerals. It is *ein* ("one") in different word forms; unfortunately, in German it is formally and semantically impossible to distinguish it from the indefinite article. Our program has taken into account all instances of *ein* appearing in the text.

2) In general, the texts by Mann and Broch do not differ greatly in the use of specific numbers.

3) Our approach to the problems of stylometry is based on the assumption that each writer has an individual manner of using numerals; this would seem to be contradicted by the alternation of Mann and Broch microclusters. However, firstly, there is no universal stylometric method that perfectly distributes texts according to authorship; secondly, these microclusters merge into an intermediate cluster at a high altitude (10 – in Figure 1) which is still 2.5 times less than the height of the formation of the final supercluster (with Musil's texts participating).

How stable is the dendrogram structure with respect to the addition of new texts from other authors? We now add the texts of the fourth author, E. Canetti, and re-run the clustering (Figure 2).

Based on Figure 2, we can draw several observations:

1) The general appearance of the dendrogram has not changed much (the program has only reordered the low-level clusters).

2) The two texts by Canetti were clustered not just separately, but in branches of the dendrogram that merge at the maximum height. This indicates a fundamental distinction between the texts: while *Die gerettete Zunge* is a work that adheres to the conventions of fiction, *Masse und Macht* is not. The abundance

of factual numbers places this text in a shared cluster with Musil's texts, albeit at a high height (an addition regarding Canetti's works will be provided below).

3) Adding Canetti's texts literally loosens the dendrogram: the heights of merging increase (note that the maximum height is always normalized to 25).

Additional information about the author's use of numerals can be derived from Figure 3, which shows a fragment of the frequency distribution of numerals from the range 1 to 30 in some works of the authors under consideration:

4) The frequency of numerals decreases rapidly as the numerals increase.

5) Local maxima are observed at the round numbers 10, 20, 30, and so on. They can be explained by a well-known psychological phenomenon of preference for "round" numbers.

6) The differences between the texts by Mann and Broch become noticeable: Mann has a greater variety and frequency of numerals in texts (with the exception of the numeral *ein* (one), which, however, can also be an article, as noted above).

In our opinion, the most significant indicator of the author's desire for subjective "accuracy" of the narrative is the inclusion of specific dates in the text. According to this indicator, Canetti's works are the leaders among all the analyzed texts. Although they are little similar in the use of numerals in general, they are very close in the abundance of dates found in them.

The choice of metric and clustering method cannot be definitively justified, yet they can have a substantial impact on the outcomes of clustering. We performed clustering of texts by the same authors as in Figure 1, but using not the far neighbor method, as in the previous attempt. Instead, we utilized the group average method (Between-groups linkage) [9], still using the Manhattan metric (Figure 4). In our case, the results were quite consistent, and all the conclusions remained valid. Even when we used different combinations of metrics and clustering techniques, the dendrogram only changed slightly.

Table 1

Occurrence of numerals in the studied texts

No.	Author, text	Size (bytes, UTF encoding)	Number of numerals	Inverse density of numerals
1	Mann, <i>Königliche Hoheit</i>	751 961	2865	262
2	Mann, <i>Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull</i>	866 978	3271	265
3	Mann, <i>Der Zauberberg</i>	2 075 077	7697	270
4	Mann, <i>Lotte in Weimar</i>	842 414	3073	274
5	Mann, <i>Doktor Faustus</i>	1 410 387	5554	254
6	Mann, <i>Erzählungen</i>	849 390	2893	294
7	Broch, <i>Die Schlafwandler</i>	1 622 049	6156	263
8	Broch, <i>Die Entsöhnung</i>	212 697	759	280
9	Broch, <i>Die Verzauberung</i>	771 187	2843	271
10	Broch, <i>Gedichte</i>	97520	316	309
11	Musil, <i>Die Verwirrungen des Zöglings Törless</i>	337 625	1617	209
12	Musil, <i>Der Mann ohne Eigenschaften</i>	4 437 225	21 182	209
13	Canetti, <i>Masse und Macht</i>	1 230 512	5532	222
14	Canetti, <i>Die gerettete Zunge</i>	760 747	2927	260

4. CONCLUSIONS

The approach to stylometry problems we are developing, based on the analysis of numerals statistics in texts, despite its simplicity, demonstrates high efficiency and sensitivity. Texts by T. Mann, H. Broch, R. Musil, and E. Canetti, which have so far been analyzed only through the traditional descriptive philological methods, were subjected to a formal stylometric analysis for the first time. The analysis correctly distributed the texts by authors and revealed some features of the literary style. Appreciable authorial differences in the manner of using numerals were discovered. The use of various clustering methods for text analysis enhances the significance of the results obtained and confirms their non-random nature. The method is suitable for text attribution.

REFERENCES

1. Bellos, D. (2010). Romain Gary: A Tall Story. London: Harvill Secker.
2. Bloom, H. (2005) Robert Musil's the Man Without Qualities. Chelsea House Publ. ISBN 9780791081228. 211 p.
3. Bouveresse, J. (2001) La Voix de l'âme et les Chemins de l'esprit. Dix études sur Robert Musil. Éditions du Seuil, ISBN: 9782020362894. 462 p.
4. Broch, H. Gedichte. Kommentierte Werkausgabe, Band 8. Suhrkamp, Frankfurt, 1980. ISBN: 978-3518370728. 244 S.
5. Burrows, J. (2002) Delta: a Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship. Literary and Linguistic Computing. 17(3). Pp. 267–287.
6. Dammann, G. (Ed.) (2012). B. Traven, Autor – Werk – Werkgeschichte. Würzburg: Königshausen & Neumann.
7. Donahue, W. C. (2001) The End of Modernism: Elias Canetti's Auto-da-Fé. The Univ. of North Carolina Press. ISBN: 978-1-4696-5742-4. 302 p.
8. Dowden, S. D. (1986) Sympathy for the abyss: a study in the novel of German modernism: Kafka, Broch, Musil, and Thomas Mann. Tübingen: Niemeyer. ISBN 3-484-18090-0. 195 p.
9. Gan G., Ma C., Wu J., (2007) Data Clustering: Theory, Algorithms, and Applications. Society for Industrial and Applied Mathematics. 466 p. DOI: 10.1137/1.9780898718348.
10. Hermann-Broch-Handbuch: Zeit – Werk – Forschung (2015), M. Kessler, P. M. Lützel (Eds.), De Gruyter. ISBN: 978-3110200713. 685 S.
11. Hupertz, H. (2021). Wie eine Frau sich als Holocaust-Überlebende ausgab. Frankfurter Allgemeine, 23 November. Available at <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/medien/frau-gab-sich-als-holocaust-ueberlebende-aus-dokumentation-bei-arte-17646920.html> (Accessed: October 30, 2024).
12. La Inteligencia Artificial ayuda a descubrir una obra desconocida de Lope de Vega en los fondos de la BNE, Biblioteca Nacional de España, <https://www.bne.es/es/noticias/inteligencia-artificial-ayuda-descubrir-obra-desconocida-lope-vega-fondos-bne> (Accessed: October 30, 2024).
13. Mann, Th. (1979) Die Erzählungen, Zweiter Band. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main.
14. McClelland, J. S. (2011) The Crowd and the Mob: From Plato to Canetti. Unwin Hyman. ISBN 9780415602495. 356 p.
15. Moisl, H. (2015) Cluster Analysis for Corpus Linguistics. De Gruyter Mouton. 381 p. ISBN:9783110350258.
16. Nübel, B. and Wolf, N. Ch. (2016) Robert-Musil-Handbuch, Berlin, Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110255577>. 1064 S.
17. Schröter, J. (2020). Die apokryphen Evangelien: Jesusüberlieferungen außerhalb der Bibel. Munich: C. H. Beck.
18. Sorokina, M. Yu., Superfin G. G. (1994). 'There was a writer Ageyev' ...: a version of the fate or about the benefits of naive biographism. In: The past: Historical almanac, vol. 16. Moscow, St. Petersburg: Phoenix-Athenaeum, Pp. 265–289.
19. Stamatatos E. (2009) A survey of modern authorship attribution methods. J. Amer. Soc. for Information Science and Technology. No. 60(3). Pp. 538–556.
20. Tempestt N., Kalaivani S., Aneez F., Yiming Y., Yingfei X., and Damon W. (2017) Surveying Stylometry Techniques and Applications. ACM Comput. Surv. No. 50(6), Article 86, 36 p.
21. Thomas Mann-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung (2015) A. Blödorn, F. Marx (Eds.), DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-476-05341-1>, Verlag J.B. Metzler Stuttgart, Springer-Verlag Berlin Heidelberg. ISBN 978-3-476-02456-5. IX + 425 p.
22. Thomas Mann: neue kulturwissenschaftliche Lektüren (2012) S. Börnchen, G. Mein, G. Schmidt (Eds.), Wilhelm Fink Verlag, 2012. ISBN 9783846753897. 457 S.
23. Vickers, B. (2002). 'Counterfeiting' Shakespeare: Evidence, Authorship and John Ford's Funerall Elegy. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
24. Zenkov, A.V. (2021) Stylometry and Numerals Usage: Benford's Law and Beyond. Stats. No. 4. Pp. 1051–1068.

* The research was supported by the grant No. 23-28-00750
from the Russian Science Foundation; see <https://rscf.ru/en/project/23-28-00750/>.
Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-00750,
<https://rscf.ru/project/23-28-00750/>, проект «Разработка нового метода стилометрии на основе
статистики использования числительных в авторских текстах».

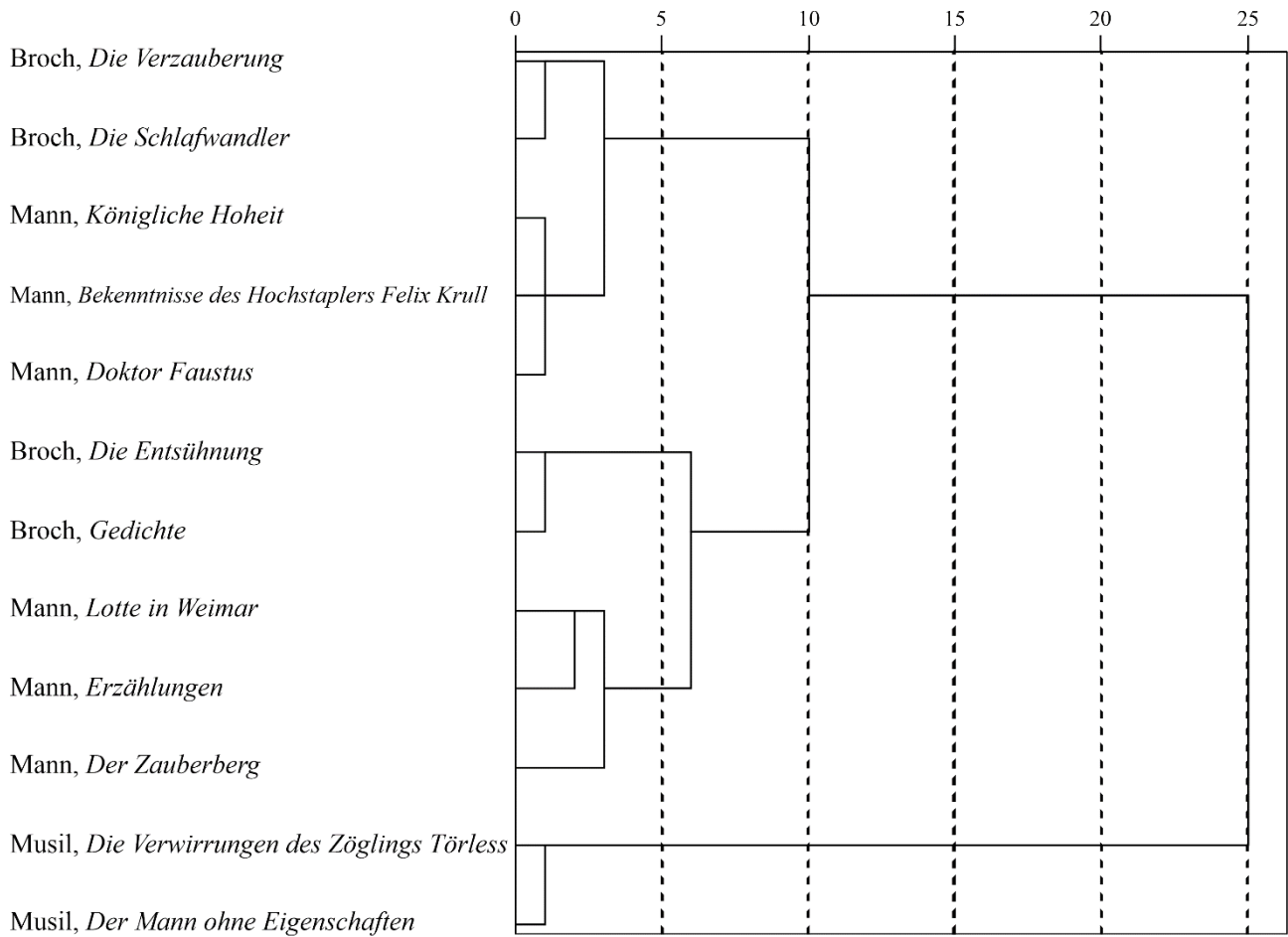

Figure 1. The result of applying hierarchical cluster analysis to the texts by T. Mann, H. Broch, and R. Musil (clustering uses the far neighbor method and the Manhattan metric).
The horizontal axis indicates the "distance" in arbitrary units

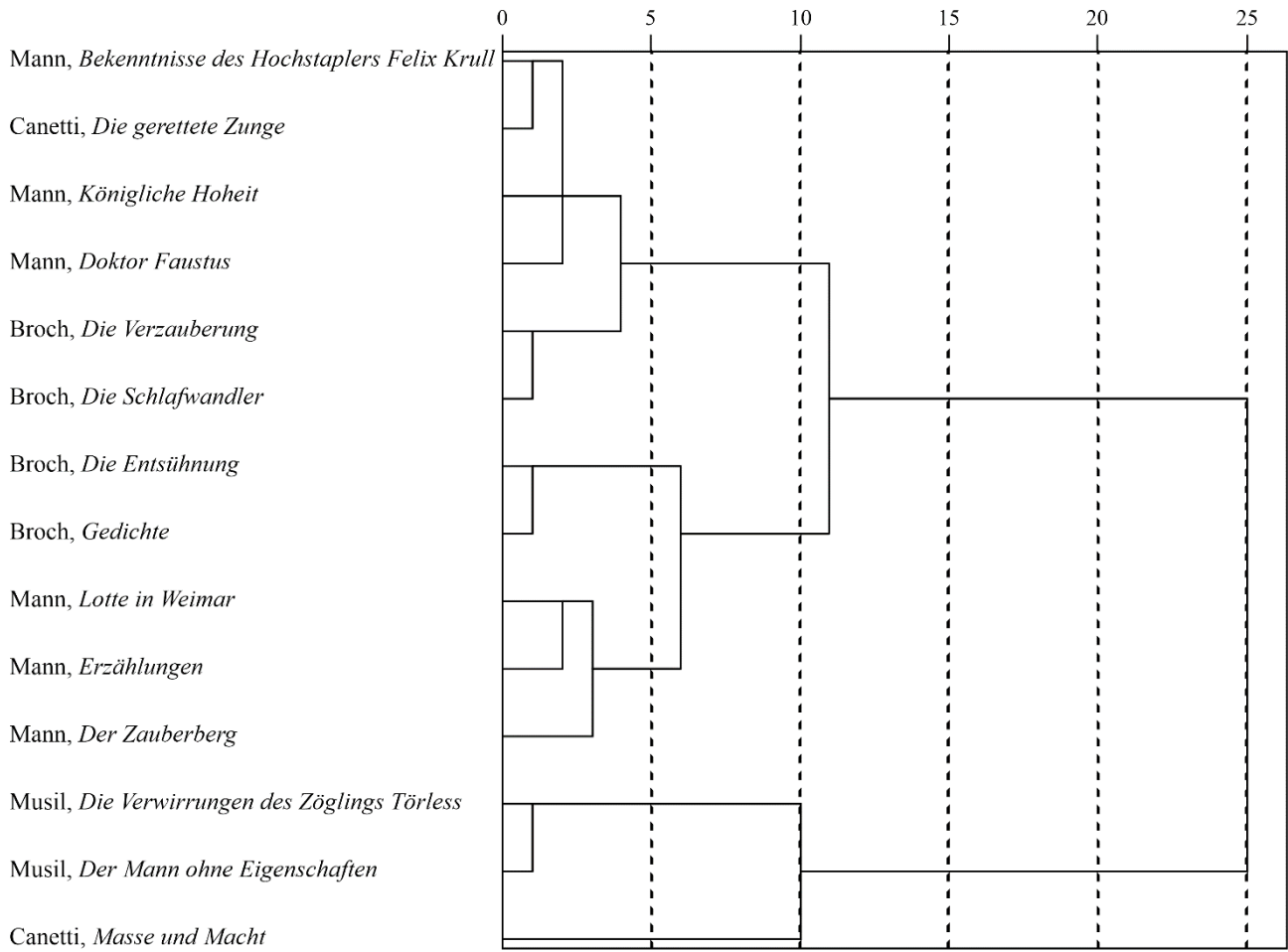

Figure 2. The result of applying hierarchical cluster analysis to the texts by T. Mann, H. Broch, R. Musil, and E. Canetti (clustering uses the far neighbor method and the Manhattan metric – the same as in Figure 1). The horizontal axis indicates the "distance" in arbitrary units

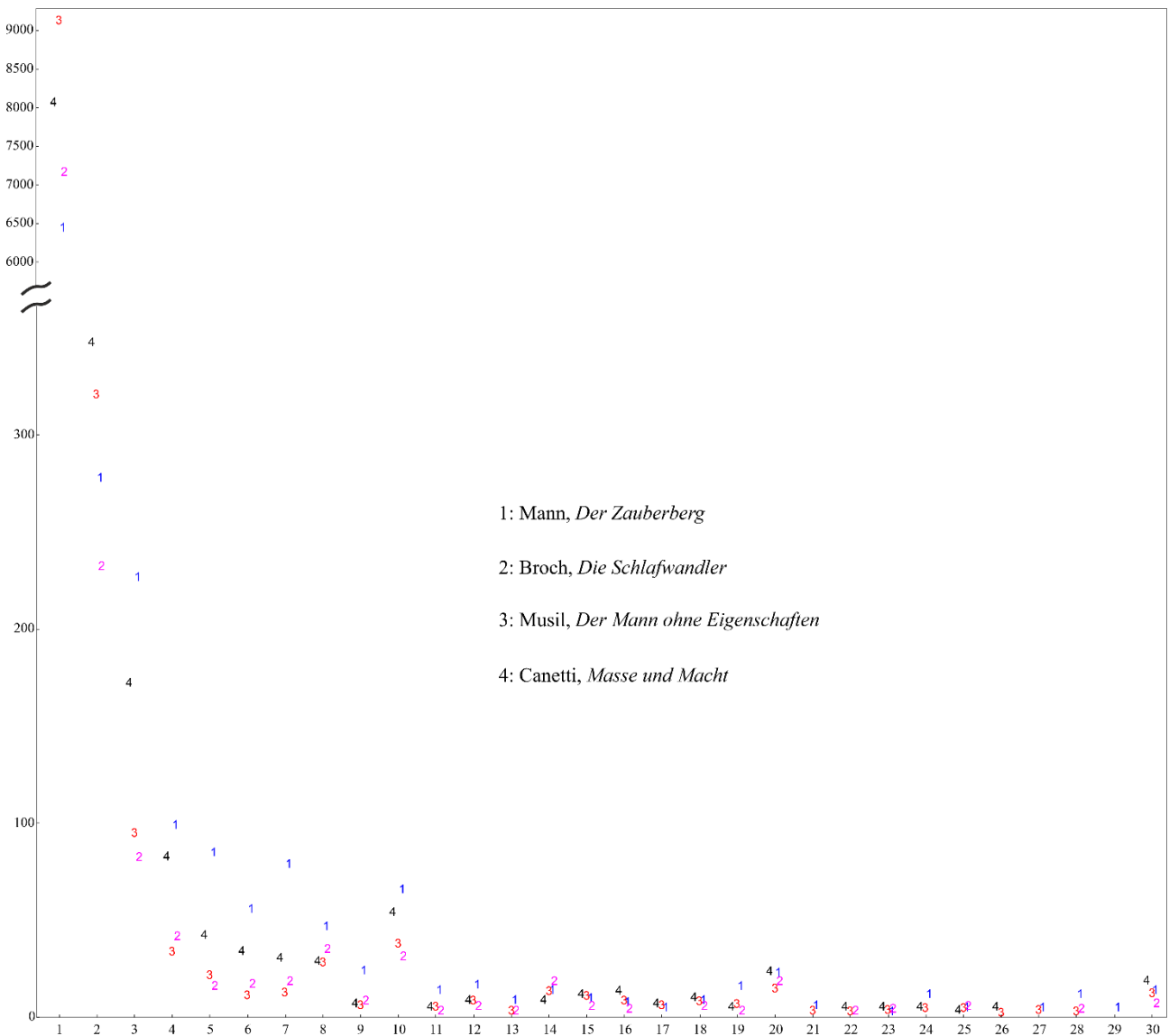

Figure 3. A fragment of the frequency distribution of numerals from the range [1; 30] in some works by T. Mann, H. Broch, R. Musil, and E. Canetti. The vertical axis shows the frequency of numerals after introducing correction factors to account for the different sizes of texts. The axis is broken to save space

Материал поступил в редакцию 31.10.24

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И АВТОРСТВО: СТИЛОМЕТРИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МОДЕРНИСТСКИХ ТЕКСТОВ

А.В. Зенков, доцент, кандидат физ.-мат. наук, кафедра математического анализа
Институт естественных наук и математики,
Уральский федеральный университет (Екатеринбург), Россия

***Аннотация.** Исследование относится к стилометрии. Количественный метод изучения авторского стиля литературных текстов, основанный на анализе статистики встречающихся в них числительных, применен к литературным текстам на немецком языке. Разработана компьютерная программа для поиска в тексте количественных и порядковых числительных, выраженных как цифрами, так и словесно в разных словоформах. Программа автоматически убирает из текста фразеологизмы и устойчивые сочетания, случайно (без авторского замысла) содержащие числительные. Предварительно текст вручную очищается от числительных, не связанных с авторским художественным замыслом (пагинация, номера глав и т. п.). Числительные, используемые автором в (художественном) тексте, для каждого автора индивидуальны; их совокупность является характерным признаком (авторским инвариантом), различающим тексты разных авторов. Выполнен сопоставительный стилометрический анализ литературных текстов Т. Манна, Г. Броха, Р. Музиля, Э. Канетти – представителей немецкоязычного литературного модернизма XX века. Обнаружены существенные различия в использовании авторами числительных. Результаты анализа подвергнуты иерархической кластеризации, правильно распределившей тексты в соответствии с авторством. Таким образом, новый метод стилометрии способен успешно атрибутировать литературные тексты.*

***Ключевые слова:** стилометрия, стилеметрия, количественная лингвистика, атрибуция текстов, авторство текстов, числительные в тексте, Т. Манн, Г. Брех, Р. Музиль, Э. Канетти.*

Philological sciences
Филологические науки

UDC 80

JEWIS IN BULGARIAN CINEMA**Rina Lapidus**

Bar-Ilan University, Israel

***Abstract.** Jews played a major role in every aspect of the Bulgarian film industry. The film “Stars” was directed by the Jewish director Konrad Wolf. It was about a Nazi officer who fell in love with a young Jewish woman who was taken by train to a death camp. The officer tried to save her but failed. Another film directed by a Jewish director was Ivan Nichev's “Bulgarian Rhapsody.” The plot of the film was set in the spring of 1943. Two youths, one Christian and the other Jewish, were rivals for the love of the same Jewish girl. When the Jewish youth and the girl were sent to a death camp, the three of them were shocked because in their romantic enthusiasm they were unaware of the existence of the Nazism. The films dealing with communism made by Jews were of two kinds. There were those that supported communism and contained a propagandist message, such as the film “The Eighth,” and there were those which expressed a negative criticism of communism, like the film “Deviation”. The subjects of the Holocaust of the Jews, and communism which came from the Soviet Union, particularly preoccupied Jewish film-makers in Bulgaria; the Holocaust, as an unparalleled tragedy of the Jewish people, and communism, because of the great extent of Jewish activism in the intellectual and ideological spheres in Bulgaria.*

***Keywords:** Jews, Bulgarian cinema, directors, actors, Holocaust, communism.*

1. Introduction

The Jews came to the areas which today form Bulgaria at the beginning of the second century A.D. Since their arrival in these areas, they have made a very significant contribution to the life there. They were active in commerce, in development, in social life and in culture, but their contribution in these spheres has hardly been studied.

The contribution of the Jews to the different cultural spheres in present-day Bulgaria has not been studied either. Moreover, their contribution to the development of Bulgarian culture has not been investigated as a separate subject and is not regarded as a subject worthy of investigation. This article attempts to fill the gap and describes the Jewish aspect of Bulgarian cinema: the Jewish directors, script-writers and actors. Our definition of the Jewish element is very elastic and includes people who are the offspring of mixed marriages and thus partial Jews and Jews who changed their religion.

2. The Present State of Research on the Jewish Aspect of Bulgarian Cinema

I am discussing an absolutely new topic in Bulgarian cinema research, namely, the existence of Jews, either as filmmakers or as actors, in Bulgarian cinema as a whole. I am trying to shed light on any and every way in which Jews are involved in Bulgarian cinema. The purpose of the article is to raise the subject of the contribution of the Jews to Bulgarian cinema. I define as "Jewish" anything that is Jewish in any way. Their ethnic origin did make a difference, as did their upbringing and education. The present article is the first in this field and is thus an innovation.

The field of cinema in general and Bulgarian cinema in particular, is not a very old one. Bulgarian cinema started developing mainly after WWII, which is relatively recently. The Bulgarian cinema industry produced a relatively small number of films. The number of Bulgarian films in which Jews were involved, either as filmmakers or actors, is even smaller. I am therefore trying to deal with all Bulgarian films in which Jews were involved. I am not trying to determine the historical period of these films, because the number of these is limited.

Very few studies have been made of Bulgarian cinema and nothing has been written on its Jewish aspect. I will now look at the studies that do exist¹ [1].

The Bulgarian Jews have been a subject of research, but chiefly from the historical point of view, and especially the fate of the Bulgarian Jews in the Second World War.

Frederick Chary speaks of their fate in the Second World War in connection with the Bulgarian regime, the German policy towards the Bulgarian Jews and the Bulgarian relationship with Germany. A number of studies have been written on this subject, as we said: Petko Dobčev's book² [6], for example.

Oppression in different spheres of life in Bulgaria is a subject that also appears in other studies such as that of Evgenia Garbolensky³ [8]. This writer speaks mainly of the oppression of Bulgaria by Germany during the Second World War and by the Soviets after the war. She also mentions the persecution of the Jews during the war and antisemitism in Bulgaria after the war, but she does not speak of Bulgarian cinema and the Jewish contribution to it.

Nikolaj Poppetrov, in his article "Bulgaria, a Country Devoid of Antisemitism? Historical Perspectives"⁴ [23], reflects on the issue of existing anti-semitism in Bulgaria. His focus is mainly on the history of Bulgaria and the evidence of anti-semitism there, despite the many continuous declarations by the Bulgarian authorities and mass-media that this gruesome phenomenon doesn't exist in their homeland. The article doesn't deal with the contribution of Jewish film-makers to the Bulgarian cinema.

Nadège Ragaru, in her articles "Socialism by Proxy: Negotiating Past and Present in the Figuration of the Jewish Catastrophe in Bulgaria in the late 1950s"⁵ [25] and "Contrasting Destinies: The Plight of Bulgarian Jews and the Jews in Bulgarian-occupied Greek and Yugoslav Territories during World War Two"⁶ [27], deals with the destiny of the Bulgarian Jews and Jews residing in the territories annexed to Bulgaria during the Second World War. These articles have undeniable historical value but deal in no way with the contribution of Jews to the Bulgarian film industry.

Many studies, books and articles have been written about the history of the Bulgarian Jews in various periods, with a special emphasis on their history in the period of the Holocaust. Among the most important are:

The Stolen Narrative of the Bulgarian Jews and the Holocaust by Jacky Comforty⁷ [3], with Martha Aladjem Bloomfield;

Bulgarians and Jews throughout History by Pavel Stefanov⁸ [32], and *Bulgaria and Her Jews: The History of a Dubious Symbiosis*, by Vicki Tamir⁹ [33].

There are many other studies dealing with the history of the Bulgarian Jews, but they do not deal with Bulgarian cinema and the Jewish contribution to it. There are likewise studies dealing with Bulgarian cinema after the Second World War when Bulgaria was under a totalitarian regime and was oppressed by the Soviet Union, but the writers do not touch on the contribution of the Jews to Bulgarian cinema.

There are brief discussions of Konrad Wolf's Bulgarian-German film "Stars". It was an East German film set in Bulgaria. It was the first German film to touch on the Holocaust and was highly praised, which is interesting, because communist East Germany generally kept away from Jewish themes. Even more interesting, Konrad Wolf was the brother of Marcus Wolf, the notorious spymaster of the Stasi.

Thomas Elsaesser, in his book, *German Cinema – Terror or and Trauma: Cultural Memory since 1945*, speaks of the treatment of the Jewish Holocaust in German culture in the period after the war in connection with the trauma produced by the war and the Holocaust in present-day Germany. The writer places the significance of the war and the Holocaust in a broader context: for instance, in relation to the cases of terror and trauma after the war, as in the cold war or the action of the 11th of September¹⁰ [7].

The writer also discusses the films in connection with the present period and the relationship to the alien and the other¹¹ [7]. The writer, for example, draws an analogy between the events of the Holocaust and the waves of immigration which reached Europe after the nineteen-nineties, an analogy which in my opinion is unjustified and out of place. In one of the chapters of his book, *Rescued in Vain: Parapraxis and Deferred Action in Konrad Wolf's Stars*¹² [7], the writer discusses that film.

The film depicts a German soldier who fell in love with a Jewish girl taken in a train to a death camp. He gets in touch with the anti-Nazi underground in the hope of rescuing the girl from the train, but the train left earlier than the soldier expected, and thus his plan of rescue was foiled. The soldier then becomes an anti-Nazi activist.

The film is idealistic and utopian and presents the German soldier as an example of the humanity which Nazi soldiers could display in certain situations. In reality, this only happened in isolated cases in the six years of the Second World War throughout Europe, in the Soviet Union and in Africa. The behavior of

the German soldier cannot serve as a hypothetical example of the compassion of German soldiers for their victims in the Second World War for the simple reason that such a case did not exist. The film was a German product, and perhaps this fact explains its maker's desire to represent the Nazi soldiers in a more humane manner. Whatever the case, he was not a Bulgarian, and he therefore cannot teach us anything about the contribution of Jews to Bulgarian cinema.

Ronald Holloway, in his book, *The Bulgarian Cinema*¹³ [11], devoted to Bulgarian cinema as a whole, does not relate especially to the role of the Jews in the Bulgarian cinema. Konrad Wolf's film "Stars" is briefly mentioned, but even this mention is made in a general context and not in a Jewish one. Similarly, Holloway mentions the Jewish descent of the Bulgarian screenwriter, Valeri Petrov¹⁴, but does not relate to it, or to the Jewish traditions on which Petrov drew in his contribution to Bulgarian cinema¹⁵ [11].

Another book by Ronald Holloway, *Beyond the Image: Approaches to Religious Dimensions in the Cinema*¹⁶ [12], discusses the special and very interesting subject of the mutual relationship of religion and the cinema. He discusses the influence of religion in the cinema in connection with morals in the cinema¹⁷ [12], and the mutual affinities of different religions depicted in the cinema¹⁸ [12].

"Stars" is the only film I am dealing with which is occasionally mentioned in this book (p. 160). No other film is mentioned, nor are any other topics I am dealing with in this article, such as Judaism or Jews. The movie "Jud Süss" is mentioned twice (pp. 21, 116), but it is a German film, not a Bulgarian one.

Nadège Ragaru, in her web article, "The gender dimensions of 'Zvezdi/Sterne'", also relates to Konrad Wolf's "Stars"¹⁹ [26]. She approaches the film from the point of view of gender, and in that respect says little that is new. In the last few decades, since the development of gender studies, and feminism, in particular, there has been a tendency to analyze everything, and especially works of art, including films, from the point of view of gender, and that also applies to the work of Konrad Wolf.

Wolf had no intention to deal with gender, but there is some justice in Ragaru's claim that from the historical viewpoint there were gender differences in the Nazi treatment of Jewish men and women. The Jewish men stood out more in the general mass and the Germans were more frightened of them. But in the film there is no difference between the Jewish men and women sent to the extermination camps, and it would seem that Konrad Wolf did not intend to show gender differences in the Jewish victims of the Holocaust. In any case, the writer does not relate to the Jewish aspect of the creators of the film and their contribution to its creation.

Dina Iordanova, in her article "Bulgaria"²⁰ [14, 16], observes the transformation of the Bulgarian cinema since the collapse of communism in 1989. She argues that nearly six hundred feature films were produced in Bulgaria during the forty-five years of state socialism (1945-89). In addition, about twenty television films, as well as four hundred shorts and animated films were made annually during the same period. However, the coming of capitalism after 1989 and in the early 1990's led to the withdrawal of state support for the Bulgarian cinema. The Bulgarian film industry suffered a drop in production. The Bulgarian cinema became less important and influential in Bulgarian culture and life.

The article gives a comprehensive survey of the history of Bulgarian cinema from the fall of the communist bloc in 1989 onwards. It deals with the question of finance (or lack of finance in the post-communist period) in the film industry, the development of film-studios and photographic installations in Bulgaria, and the fate of film-actors in Bulgaria, many of whom had to leave the country in order to find greater scope for their creative activities elsewhere in Europe. The article also gives statistics relating to different types of film in Bulgaria, including films for television, animated films and films for general release, and compares their production in the communist and post-communist periods. The article provides a general survey of Bulgarian cinema from 1948 onwards, and especially after 1989, does not deal with individual films, and of course does not mention the contribution of minorities such as the Jews to Bulgarian cinema as a whole.

Spas Raikin, in his article "Bulgaria"²¹ [30], deals with the cultural, social, and economic aspects of Bulgaria up to the Second World War. However, he doesn't mention Bulgarian cinema per se, and is even less concerned with the contribution of Jews to the Bulgarian film industry.

Kristin Thompson and David Bordwell, in their monography, *Film History: an Introduction*²² [31], which is a monograph in three volumes, provides a global survey of the different genres in the cinema. The monography also mentions the impact of globalization and digital technology on the cinema, but it does not relate in any way to the subject under discussion: i.e., the contribution of the Jews to Bulgarian cinema.

Maya Nedyalkova, in her dissertation entitled "Transnational Bulgarian Cinema – Pieces of the Past, Present and Future"²³ [20], deals with the Bulgarian feature film industry and tries to determine the place of

Bulgaria in European cinema. It also deals with the Bulgarian Poetic Realist movement in Bulgarian cinema as well as the influence of the Italian Neorealism and British and American films of espionage. The study does not deal with Jews or anything Jewish in Bulgarian cinema.

Nevena Daković, in her article "Memory Images: Holocaust Memory in Balkan Cinema(s)"²⁴ [4], analyses the representation of Holocaust memory in Balkan films of two genres: melodrama and of historical fiction. The article speaks of trauma, nostalgia, history, and memory. The author argues that the Balkan wave of Holocaust films, with its various genres, provides new answers to the traditional issue of the ethics of memory and the ethics of representation.

Nadège Ragaru, in her article "Bulgaria as Rescuer? Film Footage of the March 1943 Deportation and Its Reception across the Iron Curtain"²⁵ [29], casts doubt on the reliability of the presentation of Bulgaria as having rescued Jews in the period of the Second World War, as is shown in Bulgarian films. This subject, however, is remote from that of the contribution of the Jews to Bulgarian cinema.

The article of Nadia Danova entitled "Culture de la mémoire en Bulgarie d'aujourd'hui à propos de la déportation des Juifs des territoires sous administration bulgare en 1943" (The Culture of Memory in Contemporary Bulgaria, about the Deportation of the Jews from the Territory under Bulgarian Administration in 1943)²⁶ [5] shows the different ways in which Bulgarian society dealt with the painful issue of the participation of Bulgarian authorities in the deportation of the Jews from Thrace and Macedonia during the Second World War. The article discusses cases from historiography, textbooks, literature, and cinema in which the deportation is depicted in an attempt to face the theme of collective responsibility and guilt. The subject of this article is also remote from that of the contribution of the Jews to Bulgarian cinema.

The article, "The Memory of Loss", in *Film Quarterly*, by Bill Nichols²⁷ [21], discusses the phenomenon of how political regimes in Europe in the twentieth century destroyed the cultures of whole peoples, and how their memory was preserved to a small degree in films. The article is based on an interview of the author with Péter Forgács²⁸, who claimed that the Second World War and the communism that came afterwards destroyed the lifestyles and cultures in the small countries of Eastern Europe which existed there from the nineteen-thirties to the nineteen-fifties, and the evidence of their existence was only preserved in the films of that period. The article is impressive in itself and informative concerning the history of the cinema in the small countries of Eastern Europe, but does not mention the Jews and their contribution to that cinema.

A historiographical study, *Der bulgarische Film: Geschichte und Gegenwart einer Kinematografie*, by Maria Ratschewa and Eder Klaus²⁹ [31], gives an instructive and exhaustive survey of the history of Bulgarian cinema but does not deal with the role of the Jews in that cinema.

In conclusion, I have not found even a single study discussing the role of the Jews in the Bulgarian film industry, although many of the founders of that industry and many of its leading figures were of Jewish origin. Those that took part brought to Bulgarian cinema qualities considered typically Jewish such as drama and emotionality and social and political involvement. Many of the Jewish figures in Bulgarian cinema were opponents of the Nazi regime, and, later, of the communist regime. Later, I will discuss the films produced by Bulgarian Jews.

In conclusion, I have not found even a single study discussing the role of the Jews in the Bulgarian film industry, although many of the founders of that industry and many of its leading figures were of Jewish origin. Those that took part brought to Bulgarian cinema qualities considered typically Jewish such as drama and emotionality and social and political involvement. Many of the Jewish figures in Bulgarian cinema were opponents of the Nazi regime, and, later, of the communist regime. Later, I will discuss the films produced by Bulgarian Jews.

3. The Aims of the Article

In the Bulgarian film industry, there were scriptwriters, directors and actors of different religions and ethnic origins. In Bulgarian films one can see the influence of many different cultures. It can be said that Bulgarian cinema is not only national but also multicultural and multinational.

In this article, I wish to describe the contribution of Jews to the Bulgarian film industry. The article will address questions such as:

- Who were the Jewish scriptwriters, directors and actors in the Bulgarian film industry?
- Did their ethnic origin make any difference in comparison with their colleagues in the Bulgarian film industry?

– Did these scriptwriters, directors and actors bring any special Jewish influence into Bulgarian cinema, and if so, what was the nature of that influence?

The article will try to answer these questions.

4. The Expected Contribution of the Article

We wish to provide a correct interpretation and a complete understanding of some Bulgarian films. And in our desire to relate to the Jewish aspect of Bulgarian cinema, we must understand the Jewish elements in Bulgarian films, and the original context of these elements: for example, in films which relate to the Holocaust such as “Stars” and “Bulgarian Rhapsody”, in a film relating to the extermination of the Armenian people in the First World War like “After the End of the World”, or in a film relating to the Soviet communist domination of Bulgaria like “Deviation”.

In order to gain the fullest possible understanding of these films, we must have a knowledge of the Holocaust of the Jews in the Second World War, the slaughter of the Armenians in the First World War, and communism in eastern Europe in the second half of the twentieth century. The contribution of the article is thus a more correct interpretation and a fuller understanding of Bulgarian films in which Jews were involved.

5. Research Methods

The article describes five Bulgarian films in which Jewish scriptwriters, directors and actors were involved. The analysis of these films will be conducted in the following order:

First of all, I briefly describe the content of the film, emphasizing the aspects I wish to relate to in the analysis. I do not describe its content for purposes of information, but in order to stress the philosophical, ideological or aesthetic aspects I wish to analyze. After that, I briefly consider the film as an artistic creation. I examine the image of the main character, a central point of observation. I then relate to the way in which the Jewish influence of the scriptwriter, the producer or the actor is reflected in the film, the genre and style of the film, and consider whether the film has a Jewish aspect at all.

The analysis will be primarily conducted according to the close reading and structural methods which are especially effective in a close examination of the films and a perception of similar and dissimilar elements within them.

6. Historical Review: Bulgaria before, during and after the Second World War

After the defeat of Germany in the First World War, Bulgarian governments tried to observe neutrality and avoid taking sides between any fighting parties in Europe. On September 27, 1940, the Tripartite Pact was signed between Germany, Japan and Italy, and from that moment, both the Tripartite powers in the West and the Soviet representatives in the East began to pressure the Bulgarian government from opposing sides to collaborate with them. But the Bulgarian government avoided commitment.

The Alliance of Bulgaria with Germany

On March 1, 1941 Bulgaria was compelled to sign a pact with the Tripartite powers. Thus, from April 19, 1941 to September 9, 1944, Bulgaria was an ally of the Third Reich, like Italy and the Japanese Empire. On the one hand, the threat of the Bolshevization of Bulgaria by the Soviet Union was probably the main reason why the government in Sofia signed the pact. On the other hand, Germany promised Bulgaria to give it back western Thrace, eastern Macedonia, and Pomoravia (eastern Serbia), which the Bulgarian government thought to be territories which belonged to Bulgaria by right³⁰ [19, 30].

The Second World War and the Jews in Bulgaria

After 22 June 1941, when Nazi Germany invaded the Soviet Union, Bulgaria continued to maintain diplomatic relations with the Soviet Union while maintaining the treaty with Nazi Germany. Tsar Boris III tried to avoid participation in active fighting on either side.

On 23 January 1941, the Law for the Protection of the Nation came into force³¹ [31]. It was similar to the Nuremberg laws passed in Germany in 1935, in which Jews were stripped of their civil and political rights. Germany began to pressure Bulgaria to extradite Jews. Tsar Boris III tried to negotiate with Hitler on behalf of the Jews, and many Bulgarian intellectuals wrote letters to the Tsar on their behalf, arguing that the Jews were Bulgarian citizens like any others.

However, on 12 February 1943, the Ministerial Council of Bulgaria adopted an agreement on the extradition of about 20,000 Bulgarian Jews to Germany. The reason given for the adoption of the agreement was that these were not native Bulgarian Jews, but lived in the recently annexed territories. Tsar Boris III was reluctant to extradite these Jews. Nevertheless, in March, 1943, 11,343 Jews were deported from Thrace, Macedonia and the Pirot district by the pro-Nazi Bulgarian government, and all of them ended their lives in Treblinka. Consequently, a wide spread protest movement headed by some members of parliament, the Bulgarian Orthodox church, intellectuals and ordinary people broke out in Bulgaria against further deportation of the Jews. The government was compelled to stop extraditing the Jews to Germany.

After the sudden and mysterious death of Tsar Boris III in August 1943, Bulgaria began to weaken under the pressure of the communist movement. There were active pro-communist guerrilla groups trained by the Soviet authorities. These groups fought against the existing regime in Bulgaria which tried to maintain neutrality in the Second World War, and they strengthened the pro-communist tendencies in Bulgaria, while the Red Army approached from the east. On September 9, 1944, there was a military revolt in Bulgaria, as a result of which the communists came to power in the country. On 28 October 1944, Bulgaria was finally compelled to join the Soviet side³² [23, 25, 27].

The Jews in Bulgaria after the War

Bulgaria was one of the only countries in Europe to protect its Jews and to give them refuge. The Nazi movement in Bulgaria was limited. There were many cases of solidarity with the Jews in Bulgaria during the Second World War. Thanks to the great efforts of the Bulgarians, lives of tens of thousands of Jews were saved during the Second World War. Over the years after the war, Bulgaria gave a great deal to the Jews in every way and the Jews also contributed to the progress and development of their beloved homeland³³ [20].

7. Jewish Scriptwriters and Directors in Bulgarian Cinema.

Jews were active in all branches of Bulgarian culture. After the Second World War, many Jews worked in the Bulgarian film industry as scriptwriters, directors and actors. Among the Jewish filmmakers who worked in Bulgaria after the Second World War, we should mention the scriptwriter Valeri Petrov³⁴. Petrov became famous for his moral, ethical and philosophical reflections on everyday life³⁵.

The most prominent Bulgarian filmmaker was probably Angel Wagenstein³⁶ [17], who was the writer of the scenarios of the anti-Nazi films "Heroes of September" (1954), and "Stars" (1959). Director Zako Heskia (1922-2006) was one of the leading figures in Bulgarian cinema³⁷. He roles played by the popular Jewish actor Yitzhak Finzi (born in 1933, and who featured in films from 1969) were characterized by their satirical grotesqueness. In Bulgarian cinema, there were also other figures with a Jewish ethnic background. They promoted the film industry of their homeland and also dealt with Jewish subjects that appeared in Bulgarian films³⁸ [9].

8. "Stars," directed by Konrad Wolf (1958)

"Stars", directed by Konrad Wolf in 1958, was the first film which depicted the Holocaust in Bulgarian cinema. The film was about Macedonian Jews who lived in Bulgaria and were expelled by the Nazis in 1943³⁹ [19]. The film centers on the tragic love of a Jewish girl and a Nazi officer in Bulgaria in the Second World War. Their mutual affection is shown as a symbol of human purity thwarted by fascism and racial prejudice.

The plot of the film is as follows: a detachment of Nazi soldiers escorting Greek Jews to the Auschwitz death camp stopped in a small Bulgarian town in 1943. Walter, a Nazi non-commissioned officer, a skeptical and disillusioned intellectual, unexpectedly fell in love with Ruth, a Jewish girl. This new experience gradually made him reflect on the events taking place around him. He came face to face with the inhuman nature of fascism. He was torn apart by the struggle between good and evil in his soul. With the help of Bulgarian resistance fighters, Walter organized Ruth's escape. Ruth's fate and his love for her made a new man of him. Walter made arrangements for Ruth's escape. He asked Petko, a Bulgarian anti-fascist worker, to hide her. But when the time arrived for Walter to help her to escape, he realized that he had been deceived about the exact time of departure of the prisoners, which took place long before. The train had left. Walter, grieving and devastated, realized that it is not enough to be ethical only on a small scale and became actively involved in the Bulgarian anti-fascist struggle⁴⁰ [26].

The film is presented from the point of view of the German soldier Walter. The viewer of the film sees his feelings towards the Jewish girl, the efforts he made to save her, and his disappointment when he learns that he has failed in his efforts. He sees the changes in Walter's emotions and outlook, the changes in his behavior and his transformation into an anti-fascist fighter. On the other hand, the viewer hardly knows anything about Ruth, the Jewish girl, her feelings or her outlook. The film focuses on the German soldier and the Jewish girl serves only as a prop for Konrad Wolf to reveal and develop the image of the soldier. That image is meant to create an identification with him on the part of the viewer. The film is intended for a German or European audience and certainly not for a Jewish audience.

The film is an idealistic utopian fantasy about a Nazi officer who was in fact not a Nazi officer but an independent-minded romantic humanist. There is a clear inner contradiction in the message of this film. Both the Israelis and Germans banned the film. The Israelis banned it because the film showed a "good" Nazi officer, and the Germans because the script was too harsh for their liking. Konrad Wolf used a Jewish subject, the Holocaust, in order to gain recognition with the German public in particular and the European public in general. The film conveys a political message intended to win favors such as prizes.

9. Deviation (director: Grisha Iser Ostrovski, drama, 1967)

We shall now discuss another film, "Deviation", produced in Bulgaria in 1967. The scriptwriter was Blaga Dimitova. The co-directors were Grisha Ostrovsky (1918-2007)⁴¹ and Todor Stoyanov, and the music was by Milcho Leviev. The main actors were Nevena Kokanova, Ivan Andonov, Stefan Iliev and Katya Paskaleva. The film was a romantic drama⁴² [17].

On the way to Sofia, after a separation of nineteen years, the former friends and lovers, Boyan and Neda, met by chance. Nineteen years earlier, Boyan and Neda, who were then youngsters, attended a big and crowded Komsomol meeting. An important question was discussed there. What is more important, to dedicate your life to improving Bulgarian society by establishing communism in Bulgaria, or promoting your personal and family life? The protagonist, Boyan, a young communist idealist at that time, fervently defended the first proposition. Neda, watching the enthusiastic youth, fell in love with him. Soon they began a relationship, started living together and dreamed of spending their lives together.

Neda believed she would be able to persuade him to change his mind and convince him to start a family with her instead of devoting his life to building communism in Bulgaria. Boyan, on the other hand, remained loyal to his idealistic principles. He believed communism had to be established in Bulgaria at any price, even at the cost of sacrificing himself and his relationship with Neda. He felt at that time that the romantic love he had for Neda was a "deviation" from the strict communist line he should be following.

Nineteen years before their later meeting, during her relationship with Boyan, Neda was awarded a scholarship for a five-year course of study in Moscow University on account of her academic excellence. She could not waste such a stroke of good luck and did her best to persuade Boyan to go with her to Moscow and to study there as well. However, he was determined to stay in Bulgaria and to devote his life to building communism in his beloved motherland by working in heavy industry. They parted for nineteen years. He remained in Bulgaria alone. The huge horizontal pipes Boyan worked with at a construction site were probably a phallic symbol, as if to say that his work satisfied him and sublimated his love for Neda. The erotic theme plays a symbolic and functional role in this film.

Now, nineteen years later, they met by chance on their way to Sofia. Boyan was now a big industrial boss on the way to take part in a conference in some foreign capitalist country. When driving his car, he asked some students for directions to Sofia. The students asked him in return to give a lift to a female archeology professor who was also going to Sofia to present an important archaeological find. That is how Boyan met Neda again, but now, nineteen years after their youthful love, each of them had their own family and children. Their feelings were reignited and they felt the desire to be together again. They stopped at a café near the airport and he cursed the communist ideology and brainwashing that he felt had made him a victim.

Brainwashed by the Komsomol, he gave up his personal happiness of being together with Neda. Only now, many years after his youthful love-affair with Neda, did Boyan begin to understand that love is man's true happiness and not building communism in Bulgaria. But now their situation had changed and it was too late for them to rebuild their lives together. Neither of them was ready to betray their spouses. Despite the opportunity to be together, the heroes parted again with a feeling of bitter loss. All this was the antithesis of the abundant feelings that Boyan and Neda had for each other at the time of their meeting almost twenty years before.

This film presents a negative and critical view of communism. The characters are emotionally and intellectually deep, complex and many-sided. They are intelligent intellectuals with strong personalities. Marxist dogmas are presented in the film mockingly, ironically and sarcastically. Such a bitter and critical presentation of Marxist dogmas was especially brave and daring because the film was released when the communist regime was still in power. The film ended with a rejection of the all-embracing ideological regime that had prevented them from consummating their love nineteen years before. The communist system had sealed their fate irrevocably. The influence of Italian neo-realism in the lyrical scenes seen in the movie⁴³ [34].

The production of a film so critical of communism was possible in the first years after Khrushchev's fall from power in 1964. It was made in the short period of the weakening of the communist regimes in Eastern Europe and relative democratization, especially in Czechoslovakia, on the eve of the Prague Spring in 1968⁴⁴.

This introspective film is concerned with the emotional changes in the chief character, Boyan. It does not deal directly with a Jewish subject, but presents the views of an idealistic man in his later years on his ideas and actions in his youth. Now, in his maturity, he sees his former outlook and actions in a different, more considered light, and comes to the conclusion that he had made a terrible mistake and missed his personal happiness in life. This is a film about regret, missed opportunities. The Jewish aspect is only expressed indirectly, in the choice of subject.

Bulgarian film-directors of Jewish origin were interested in the subject of communism and could show it in a negative and critical light. It is interesting that the film portrayed the personal happiness of one person as more important than building communism in Bulgaria. Communism may have been a fine ideology, it seems to say, but it existed at the expense of the personal lives of its adherents.

To a great extent, the film reflects the general attitude of the Jews towards communism. They supported it at first, but after a time, some decades later, they were disappointed in it and opposed it.

10. "The Eighth" (director: Zako Heskia; Sofia, 1969)

"The Eighth" is a story of the beginnings of the communist guerrilla movement in Bulgaria. The script was based on the memoirs of the legendary Bulgarian partisan General Stoju Nedelchev-Chochoolu. This film was the third work of the director Zako Heskia, with the actor Georgi Georgiev-Getz as the main protagonist. It was made in honor of the twenty-fifth anniversary of the socialist Bulgarian state.

The plot was the story of a group of Bulgarian communist parachutists who had studied in Moscow and landed from an airplane at night in Bulgarian territory. The group consisted of eight people. The eighth was the last parachutist to jump, and he was carried away by the wind far from the landing site. Their task was to organize a partisan pro-communist underground in the territories where there were troops cooperating with the Germans.

The eighth parachutist was the group commander and he is called by the code name "the eighth". His landing and activities in Bulgarian territory is a series of brave and daring adventures and he is shown as a victorious hero in each of them. He is a sort of superhero in the manner of Hollywood action movies. All the positive characters in the film rely on him and all the negative characters are afraid of him and plead with him to have mercy on them.

The commander, "the eighth", tries to organize a pro-communist underground on Bulgarian soil. The fulfillment of his mission faces difficulties of many kinds. The depiction of these difficulties and his overcoming of them is intended to glorify the eighth and indirectly to glorify all the members of the communist party and communism in general. It can be understood from the film that the members of the communist party are capable of supernatural actions. Membership in the communist party is depicted in the film as equivalent to being brought into an elite club of superhuman beings gifted with incredible qualities such as immortality.

For example, in one episode, the eighth has to assassinate two Nazi officers and singlehandedly capture a group of Bulgarian policemen. The Nazi officers sit in a well-appointed house, drink coffee, enjoying themselves. There is music on the radio creating a "German" atmosphere. The officers already know about the landing of the parachutists and about the commander, "the eighth". They discuss how to capture him, which is shown to be ridiculous in the light of the commander's superhuman abilities. They decide to leave him free for some time and refrain from arresting him in order to use him to lure the other parachutists. They send their agents to follow him.

Later in the film, there is a round-up by the police forces in the market. The commander, the eighth, walks through the market with a young woman from the communist underground movement. He realizes that the purpose of the raid is to capture him. He pretends to be a member of the police in civilian clothing arresting the young woman and taking her to the police headquarters, while in reality he escapes from the raid together with the girl, thereby saving both himself and her.

Later, one sees a series of successful raids and guerrilla operations by the members of the pro-communist underground. It turns out that the young woman from the communist group loves the commander, and he loves her in return. In this operation, the young woman is forced to kill herself. When she realizes that she is surrounded by enemy troops and there is no way to escape, she commits suicide. She prefers death for the sake of her motherland to being captured and saving her life.

The commander is filled with grief and rage. He wants to immediately assemble a detachment and organize a raid in order to capture the high-ranking police officer who was in charge of the operation in which the young woman was compelled to commit suicide. He wants to revenge her death at any price. But close friends from the detachment cool his ardor, saying that it would result in human losses. They say that they cannot sacrifice the fighters in the detachment. The commander comes to his senses and agrees that the lives of the fighters do not belong to themselves but to the communist party, and that the operation has to be carefully prepared. This shows that even the most courageous and experienced communists like the commander need support from their comrades-in-arms. Friendly criticism by co-fighters can help in difficult times. Only through a collective decision can the communists choose the right path. The commander later comes up with a cunning plan to capture the officer and liberate a small town in Bulgaria. The operation of capturing the high-ranking police officer went smoothly and succeeded. The officer was captured and shot. The policemen were disarmed but not killed, as they were Bulgarians, like the partisans. Later, they all captured and killed another brutal police commander. The organization of the communist underground movement was a crucial reinforcement of the struggle of the Bulgarian communist party for the liberation of the country from the fascists. The citizens saw the partisans as their liberators and realized that their struggle was on behalf of the people and was justified. The citizens therefore gave their full support and assistance to this just struggle for the liberation of their dear motherland. They joyfully welcomed the partisans and presented them with an abundance of food and gifts. The movie ends triumphantly, making it farcical.

This film is simplistic, primitive and superficial, and it mainly consists of acrobatic and technological tricks that the communists are able to perform. The communist characters lack emotional and intellectual depth as human beings.

This is a distinctly pro-Soviet film. The prototype of the main character of the film "The Eighth" was the legendary guerrilla commander Stoj Nedeleev (after baptism, he changed his name to "Nedelchev"). The film is about mythical heroes mowing down the opposing soldiers and police like grass, and includes a romantic story. It is a typical Western, which is quite obviously "hinted" at in the plot and in the soundtrack, as if it were a film about cowboys and Indians. But in this film there are no cowboys, horses and colts, and the plot is transferred to Bulgaria towards the end of the Second World War. It was as if the film was saying: the enemy is astute and cunning, but our guerrilla-scouts (who replace the cowboys!) are even more so!

11. *Yo-ho-ho* (Bulgarian: *Њо-хо-хо*, 1981)

Yo-ho-ho is an adventure story, a Bulgarian film about pirates for children. It was written by Valery Petrov and directed by Zako Heskiya.

The plot unfolds in a hospital. A ten-year-old boy, Leonid, with a broken arm, befriends a young, paraplegic actor in the hospital. The boy starts to visit the actor's room and, together, the two make up a pirate story in which they play the main roles. Little by little, everyone in the hospital gets their roles in the story. The young Leonid is fascinated.

However, the actor asks Leonid to steal bottles of medicine and bring them to him. The actor plans to commit suicide. It is only when the injured boy falls and hits his head that the actor realises that he caused him to fall and the boy now needs him. He realizes he has no right to commit suicide but instead has to devote his life to giving Leonid his emotional support.

A later film, *The Fall* (2006), directed by Taesem Singh,⁴⁵ who was also the film's screenwriter and producer, is based on the film *Yo Ho Ho*.

It is a touching film, full of warm emotions, depicting true friendship, mutual devotion, selflessness, affection, and hope despite a harsh and grim reality. It is an inspiring tale of a struggle with hardship though the will-to-live.

12. *Transports of Death* (Bulgarian: *Ешелоните на смъртта*, also: *Eshelonite*, 1986)

Transports of Death is a cinematic drama focussing on the rescue of the Jews in Bulgaria during the Second World War. Diverse strata of Bulgarian cultural, social and political activists, including King Boris III himself, prime minister Bogdan Filov, and the writer Elin Pelin, as well as ordinary people, took part in the rescue in order to save their fellow-citizens, the Bulgarian Jews. The Jews were loaded onto trains, but these trains never left the Bulgarian borders thanks to the vigorous protests of the non-Jewish Bulgarian citizens. The film also depicts the anguish of the expelled Jews. The film is based on documents and facts. Although the film is a drama, it gives the impression of a documental historical overview. Its director was Borislav Punchev, and the script was written by Haim Oliver⁴⁶ [24].

The film describes life-endangering situations, the hardships of survival, human integrity, mutual devotion and loyalty between the citizens of Bulgaria. It expresses faith in human nature and universal moral standards in even the darkest periods of history. The film is really an expression of gratitude to the Bulgarian people from the Jewish citizens of Bulgaria. It emphasizes the spirit of fraternity and mutual support between the Bulgarian people and the Jewish citizens of Bulgaria.

13. *After the End of the World* (script by Angel Wagenstein, 1998, Bulgaria, Germany, Greece)

"*After the End of the World*" is one of the few films dealing with the topic of the Jews in post-war socialist Bulgaria. The script was written by Angel Wagenstein (b. 1922) and included autobiographical motifs. The plot unfolds in multiethnic Plovdiv in two periods of time that blend smoothly. The first period was shortly after the end of the Second World War when an old Jewish couple, an alcoholic shoemaker, Abram (Vasil Mihaylov) and his wife Mazal (Tatiana Lolova), brought up their grandson Berto (Zlater Davidov), a small, shortsighted, and cute youngster of about ten years old, seemingly an orphan. He was wild, mischievous and innocent, and he was in love with an Armenian girl, Araxi Vartanian, the daughter of his neighbors, a more cultured family. However, fate separated them for many years.

The second period was about thirty years later. The former Berto, now Professor Albert Cohen, a well-known specialist in the history of Byzantium, came from Israel to his native Bulgaria for a conference. Here he met his old love, who had become a modest music teacher. Both of them walked around the city recalling the past and their mutual affection as children. Now, thirty years later, they decided to realize their past love and both of them were happy.

After the death of Tsar Boris III, the communists came to power in Bulgaria. They tried to erase religious identity and ethnic differences by erasing the traditional legacies of the peoples who lived in Bulgaria, the real purpose of which was to wipe out communities. Thus, many were forced to leave. For example, after the demolition of the Muslim cemetery, the Turkish community was destroyed and the Turks left the city. Araxi's family also decided to leave the inhospitable country Bulgaria under the communists had become and they prepared to go to Paris. Berto promised Araxi to keep in touch and write to her, but she never replied. Only many years later did he learn that Araxi's father had been arrested at the border and imprisoned in a labor camp in Bulgaria. His wife and his daughter, Araxi, were sent to a distant village for labor re-education without the right of correspondence⁴⁷ [9].

The story of the lately realized love of Albert and Araxi ended abruptly, with no hoped-for "happy ending". No continuation was possible for the lovers after so many decades and their lives had been spent in vain, devoid of warmth and affection. It is a lyrical film, simultaneously full of sadness over a lost happiness and the joy of a late reunion.

The Second World War, with the extermination of the Jewish people in Europe and the institution of communism in Bulgaria, is called "the end of the world" in this film, and that indeed is its title. In a world where tens of millions of people lost their lives in the Second World War because of the Nazis and the lives of tens of millions more people were destroyed because of communism, Berto Cohen was a remarkable survivor with a good and successful career. But he too did not emerge unscathed, as his personal life was destroyed by his grandfather's and grandmother's flight from communist Bulgaria. Berto was the only one to survive the destruction of the Jewish world, and perhaps that was a cause for lamentation, but at least he had someone with whom to share his grief: Araxi, his childhood sweetheart.

The film conveys a sad, lyrical, bittersweet message. The message is bitter because, due to political and ideological events, the lives of these two innocent children were separated. Were it not for this cruel fate, these children would have become adults and built a life together as a married couple, but their first love was

extinguished and did not return. But, at the same time, the film is also sweet because they nevertheless met half a century later and enjoyed some love and warmth in a pleasant and cordial atmosphere.

In this film, the Jewish aspect is dominant. The film first conveys the perspective of the Jewish child Berto, and later, the perspective of the Israeli professor Albert Cohen who returns to Bulgaria, his land of birth.

Berto had a bad start in life: his parents abandoned him, and he grew up in the home of his aged grandfather and grandmother, who were poor and wretched. They were both uneducated, simple, primitive, unfortunate people. The three of them lived on the earnings of the grandfather, a shoemaker and an alcoholic who was hardly able to work. They lived in dire poverty. The grandparents' home was poor and badly run and their lives went from bad to worse. Berto grew up as a street-urchin, neglected and abandoned. He was born into that situation, and that precluded any possibility of improvement and progress in his life. If he did not have the chance of leaving for Israel, he would have belonged to the lowest stratum of Bulgarian society after the death of his grandparents.

On the other hand, his childhood sweetheart, Araxi, was born into a much better situation. Her parents were educated and well-to-do Armenian intellectuals. She grew up in a warm home as a loved and cherished child. If Bulgaria had not been taken over by the Soviet Union in the years 1944-1948, one may assume that Araxi would have had a bright future and would have become part of the elite of Bulgarian and European society when she grew up.

However, the domination of Bulgaria by the Soviet Union and the establishment of communist rule there in the years 1944-1948 changed the situation. Both Berto's family and Araxi's tried to leave Bulgaria for that reason. The Soviet Union allowed the Jews to leave for Israel in the years 1949-1950 because it was interested in maintaining good diplomatic relations with the young state at that period. Israel was a land of refuge for Berto's family, and it received him and his family with open arms as immigrants finally returning to their land of origin which awaited them. The State of Israel enabled the poor orphan Berto to grow up in excellent conditions, to receive an advanced education, to have a brilliant academic career and to prosper economically. He became a world-famous professor, and he now travelled throughout the world giving lectures at academic conferences.

Araxi's family, on the other hand, had nowhere to escape to. No country took them in charge and no country awaited them. They tried to escape to France although they had no natural affinity with that country, and if they had succeeded in escaping to France, the members of her family would have become stateless refugees in a country that had no interest in receiving them. Although Araxi's family were Armenians, they did not consider escaping to Armenia because Armenia had been annexed by the Soviet Union even before it brought Bulgaria under its domination.

Moreover, the Soviet Union did not think it had to maintain good diplomatic relations with France after the end of the Second World War. The Soviet authorities thought, on the contrary, that France and all the European countries were indebted to the Soviet Union for the huge sacrifice it had made in the lives of soldiers and civilians and in material assets in order to liberate France from the Nazis.

Araxi's family received a treatment in accordance with the policy of the Soviet Union towards Bulgarian citizens who tried to escape from communism. They were arrested at the frontier and punished severely. Her father was interned in a labor camp in Bulgaria, and her mother and Araxi herself spent many years waiting for his release in a remote village where they lacked everything. Araxi wasted her youth and her life because of the behavior of the communist authorities in Bulgaria. Araxi became a music-teacher in a school, a modest musician with a low social and economic status in one of the poorest and most backward countries in Europe. Araxi never left Bulgaria. She felt that meeting Professor Albert Cohen, a famous international figure, several decades after they were separated, was like meeting a superstar.

It was the State of Israel that enabled the ill-treated and miserable Berto to realize his potential and make the best possible life for himself, which was not possible for Araxi. The film is not so much a sad emotional lament for the separation of the two child-sweethearts as a film in praise of the State of Israel.

In this film, the scriptwriter Angel Wagenstein was making a strong criticism of Soviet communism in Bulgaria. Its implementation in Bulgaria was violent, cruel and destructive of people's lives. The face of communism in Bulgaria was inhuman. Wagenstein's depiction of communism in Bulgaria was symptomatic of the attitude of the Jews to communism. Many of them were initially enthusiastic about it, but they soon discovered its brutal side and were disappointed in it.

14. "Beyond Hitler's Grasp" (1998)

Beyond Hitler's Grasp (1998) is a documentary about the rescue of Bulgarian Jews during the Second World War, in three series. The film shows how Bulgaria saved and protected its Jewish population while under German rule during the Second World War, although it was under a pro-Nazi government, the Nuremberg laws, and constant heavy pressure from Hitler himself. There was a lot of pressure on the part of Germany. Hitler even invited the Bulgarian king to Germany in an attempt to force him to deport the Jews. The film deals with the Holocaust and the success of the Bulgarian monarchy, government, and general public in rescuing the Bulgarian Jews.

The film was based on the book of the same name written by the Bulgarian-born Israeli writer and historian Michael Bar-Zohar. The film's director and producer was Nitzan Aviram, its cinematographer was Yoram Millo and its editor was Naomi Press-Aviram. The film was produced by the Per Capita Productions Company.

The film is presented as a dramatic thriller, involving tricks from adventure films, making it more intriguing and helping to convey its historical message.

The film emphasizes the special characteristic of the Bulgarian people who are educated to relate to their fellow brothers and sisters in a warm and fraternal manner regardless of their race. All the many different ethnic groups in Bulgaria up to the Second World War lived there in perfect peace and harmony. Anti-Semitism was therefore foreign to the Bulgarians, and that is why the Nazi decree obligating Bulgaria to deport its Jews encountered categorical rejection. Bulgarians proved to have a national-wide tradition of ethnic tolerance.

Bulgarian Jews have a very strong sense of belonging to their homeland, not only because of the rescue but also because of Bulgarian history as a whole. Years ago, when Bulgaria was in a state of grave economic crisis, Bulgarian Jews in Israel would send plane-loads of medicines and aid. They consider Bulgaria their own country and still maintain their connection with it.

15. "Bulgarian Rhapsody" by Ivan Nichev (a joint Bulgarian and Israeli production, 2014)

Another movie by a Jewish director, Ivan Nichev, was "Bulgarian Rhapsody". It was Nichev's third installment in a trilogy about the history of Bulgaria's Jewish population, following the films "After the End of the World" (1999) and "The Journey to Jerusalem" (2003).

"Bulgarian Rhapsody" takes place in the spring of 1943. The Jews in Bulgaria had to obey the Nuremberg Laws of Bulgaria's ally, Nazi Germany. Moni, a young Jewish artist, and his friend Giorgio, a Bulgarian musician, both seventeen years-old, met Shelli, a Jewish girl from northern Greece. A love triangle unfolded between the three seventeen-year-olds. Moni was a shy young Jewish boy living in Sofia, Giorgio was his more worldly Bulgarian friend and Shelli was his flirtatious cousin who lived across the border in the Greek coastal town of Kavala. To complicate matters, Giorgio's father was a brutish anti-Semite who worked for the government department in charge of deporting Sofia's Jews to forced labor and death camps. The two boys faced a difficult test when they both fell in love with the same girl while the war raged outside and the Bulgarians were forced to accede to the requests to transfer the Jews of Sofia on freight trains⁴⁸ [1].

These were three young people in the prime of their lives – first love, jealousy, dreams. But the story unfolds against the background of the fate of the European Jews in the Second World War. The two boys sang in a choir in their free time. While the political storm clouds gathered over Sofia, Moni and Giorgio listened to American jazz and dreamed of pin-up girls. The boys liked to go to concerts to enjoy music and meet new friends, including girls of their own age. That is how the main protagonist, Moni, met Shelli. They became lovers, were happy and believed their happiness would last forever. Nevertheless, the lives of the three youngsters were destroyed in a moment when the Second World War broke out and the German troops entered the city. A love rivalry developed between the two boys just as the police began rounding up Jews for deportation.

This is a lyrical and sentimental film about the conflicting feelings of honest, enthusiastic and likeable young people in the prime of their youth. The film has a melancholy, gentle and attractive atmosphere. The film-makers made no attempt to convey an ideological message but acted with restraint. But, at the same time, that very restraint brings out the tragic nature of the events depicted in the film.

The film gives a realistic impression and does not try to smooth over unpleasant facts: for instance, the fact that the father of Giorgio, who is in love with a Jewish girl, is a bitter anti-Semite and supports the Nazi ideology. The film does not only focus on one character, but shifts from one young man to another, giving it an objective quality. The gentle, restrained quality of the film together with its lyrical, meditative

atmosphere, its lack of over-emphasis and its objectivity – all this gives the viewer a sense of truthfulness and a feeling of intimacy. It is a sad lament for the destroyed lives of innocent people whose misfortune was to be born in the wrong place at the wrong time.

The film deals with a particularly Jewish subject, namely the deportation of the Jews to the death camps. However, the Holocaust not only affects the Jews, but also Giorgio the Bulgarian, the son of an anti-Semite and Nazi sympathizer.

16. Summary: Jews in Bulgarian Cinema

Jews worked in many Bulgarian films as scriptwriters and directors.⁴⁹ [2]. They dealt with political, ideological and social subjects like the Holocaust and communism. These subjects were presented as problematic and complex, resulting in an ambivalence in their presentation. Jewish filmmakers endowed Bulgarian film with special warmth and emotionality.

There were particular problems with regard to films depicting communism in Bulgaria⁵⁰ [8]. The attitude of the Bulgarian-Jewish scriptwriters and directors towards communism was ambivalent, especially the attitude of the older generations. During the Second World War it was logical that many of them (not yet cinematographers) opposed the official policies of the state after the passage of the Law for the Protection of the Nation. Some of them (Angel Wagenstein and others) joined the communist movement as a way to react against the Nazi-inspired restrictions. Communism was especially attractive for the Jews also because they were not required by the communist ideology to leave Judaism and to convert to any other religion. But in a later period their attitude towards communism became increasingly critical.

Jews contributed a great deal to Bulgarian cinema and to a great extent determined the subjects that appeared in it and moulded its character.

Notes

¹ Chary, Frederick, *The Bulgarian Jews and the Final Solution 1940-1944*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1972.

² Dobčev, Petko, *Anti-Jewish Laws and the Struggle against Them (1942-1945)*, Sofia: IK Feneja, 2010. [Bulgarian Source: Dobčev, Petko, *Antievrejskoto zakonodatelstvo i negovoto preodoljavane (1942-1945)*, Sofia: IK Feneja, 2010].

³ Garbolevsky, Evgenia, *The Conformists: Creativity and Decadence in the Bulgarian Cinema, 1945-89*, Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011.

⁴ Poppetrov, Nikolaj, "Bulgaria, a Country Devoid of Antisemitism? Historical Perspectives," in: Nadège Ragaru, ed., *The Holocaust in Southeastern Europe. The Jews in Bulgaria and in the Bulgarian Territories (1941-1944)*, Paris: E-Éditions du Mémorial de the Holocaust, 2014, 52-63.

⁵ *Nadège Ragaru*, "Socialism by Proxy: Negotiating Past and Present in the Figuration of the Jewish Catastrophe in Bulgaria in the late 1950s". Communication to the 46th Congress of the ASEEEES, San Antonio, Texas, 20-23 November 2014.

⁶ Nadège Ragaru, "Contrasting Destinies: The Plight of Bulgarian Jews and the Jews in Bulgarian-occupied Greek and Yugoslav Territories during World War Two" 15 March 2017. <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/contrasting-destinies-plaint-bulgarian-jews-and-jews-bulgarian-occupied-greek-and-yugoslav->

⁷ Jacky Comforty with Martha Aladjem Bloomfield, *The Stolen Narrative of the Bulgarian Jews and the Holocaust*, Lanham, Boulder, New York, London: 2021.

⁸ See: Stefanov, Pavel, *Bulgarians and Jews throughout History, Religion in Eastern Europe* 22 (6), 2002, pp. 1-11.

⁹ Tamir, Vicki, *Bulgaria and Her Jews: The History of a Dubious Symbiosis*, New York: Sepher-Hermon Press, 1979.

¹⁰ Thomas Elsaesser, *German Cinema - Terror and Trauma: Cultural Memory since 1945*, London: Routledge, 2014.

¹¹ Thomas Elsaesser, "Rescued in Vain: Parapraxis and Deferred Action in Konrad Wolf's 'Stars'", in: *German Cinema - Terror and Trauma: Cultural Memory since 1945*, London: Routledge, 2014, pp. 161-178.

¹² Thomas Elsaesser, chapter "Rescued in Vain: Parapraxis and Deferred Action in Konrad Wolf's Stars", in: *German Cinema - Terror and Trauma – Cultural Memory Since 1945*, London: Routledge, 2014, pp. 161-178.

¹³ Holloway, Ronald, *The Bulgarian Cinema*, Rutherford, Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press -and London and Toronto: Associated University Presses, 1986, pp. 52-54.

¹⁴ Valeri Petrov (pseudonym of Valeri Nisim Mevorah, 1920-2014) was a popular Bulgarian poet, screenplay writer, playwright and translator of Jewish origin.

¹⁵ Holloway, Ronald, *The Bulgarian Cinema*, Rutherford, Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press -and London and Toronto: Associated University Presses, 1986, pp. 54-55.

¹⁶ Holloway, Ronald, *Beyond the Image: Approaches to Religious Dimensions in the Cinema*, Geneva: Film Oikoumene-World Council of Churches, 1977.

¹⁷ Ronald Holloway, Chapter VII: "Cinema as a Reflection of Man", in: *Beyond the Image: Approaches to Religious Dimensions in the Cinema*, Geneva: Film Oikoumene-World Council of Churches, 1977, pp. 123-139.

¹⁸ Ronald Holloway, Chapter VIII: "Cinema as Religions Dialogue", *Beyond the Image: Approaches to Religious Dimensions in the Cinema*, Geneva: Film Oikoumene-World Council of Churches, 1977, pp. 141-162.

¹⁹ Ragaru, Nadège, The gender dimensions of "Zvezdi/Sterne" (1959), 27 January 2016. <https://www.eurozine.com/the-gendered-dimension-of-zvezdisterne-1959/>

²⁰ Iordanova, Dina, "Bulgaria", in: *The Cinema of Small Nations*, eds.: Mette Hjort and Duncan Petrie, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007, 93-111. See also: Lapidus, Rina, *Ideal Man in Bulgarian and Soviet Cinema*, *Philology – International Scientific Journal* 5 (35), 2021, 31-36.

²¹ Spas T. Raikin, "Bulgaria", in: Sabrina P. Ramet, ed., *Eastern Europe: Politics, Culture, and Society since 1939*, Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998, pp. 224-250.

²² Thompson, Kristin and Bordwell, David, *Film History: an Introduction*, New-York: University of Wisconsin – Madison and McGraw-Hill, 2010 (first edition: 1994).

²³ Maya Nedyalkova, *Transnational Bulgarian Cinema – Pieces of the Past, Present and Future*, Southampton: University of Southampton, Faculty of Humanities, 2015 (dissertation).

²⁴ Nevena Daković, *Memory Images: Holocaust Memory in Balkan cinema(s)*, *Images*, 23 (32), 2018, pp. 25-37 (Gniezno, Poland, Adam Mickiewicz University).

²⁵ Nadège Ragaru, *Bulgaria as Rescuer? Film Footage of the March 1943 Deportation and Its Reception across the Iron Curtain*, *East European Jewish Affairs*, 51 (1), 2021, pp. 36-69.

²⁶ Nadia Danova, *Culture de la mémoire en Bulgarie d'aujourd'hui à propos de la déportation des Juifs des territoires sous administration bulgare en 1943*, *Bulgarian Historical Review*, 1–2, 2015, pp. 76-93.

²⁷ Bill Nichols, *The Memory of Loss*, *Film Quarterly*, 56 (4), 2003, pp. 2–12.

²⁸ Péter Forgács (born 1950) is a media artist and independent filmmaker based in Budapest, Hungary.

²⁹ Maria Ratschewa und Eder Klaus, *Der bulgarische Film: Geschichte und Gegenwart einer Kinematografie*, Frankfurt am Main: Komunales Kino, 1977.

³⁰ Raikin, 1998, p. 226. See also: Matkovski, Alexandar, *A History of the Jews in Macedonia*, Skopje: Macedonian Review Editions, 1982.

³¹ Ragaru, 2017.

³² Ragaru, 2014; Ragaru, 2017; Poppetrov, 2014, 52-63.

³³ The private doctors of Tsar Boris III, Dr. Sajitz and Dr. Eppinger, claimed that the Tsar died of snake-poisoning mixed in his food and that this type of poisoning has a relatively slow effect. In any event, the mysterious death of the Tsar played into the hands of the Soviet authorities who later succeeded in imposing a communist regime on Bulgaria; see: Nedyalkova, 2015.

³⁴ See about the important contribution of Valeri Petrov to Bulgarian cinema: Mira Liehm and Antonin J. Liehm, *The Most Important Art: Eastern European Film After 1945*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1977, 235-236, 240.

³⁵ See his scenarios of the films "Agenda Item One", 1956, "First Lesson", 1960, "The Sun and Shadow", 1962, "Knight without Armor", 1966, "Yo-ho-ho", 1981.

³⁶ See about the central role of Angel Wagenstein in Bulgarian cinema: Mira Liehm and Antonin J. Liehm, *The Most Important Art: Eastern European Film After 1945*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1977, 137-138.

³⁷ Zako Heskia directed the the films "The Eighth" (1969), "The Glow over the Drava" (1973), and "The Last Fight" (1977).

³⁸ Tamir, 1979.

³⁹ See: Alexandar Matkovski, *A History of the Jews in Macedonia*, Skopje: Macedonian Review Editions, 1982.

⁴⁰ Ragaru, 2016.

⁴¹ Grisha Ostrovski (1918 –2007) was a Bulgarian film director of Jewish descent.

⁴² See about de-stanilization and de-stanilization of the Bulgarian culture after fifties: Mira Liehm and Antonin J. Liehm, 1977, 137-138.

⁴³ Thompson, Bordwell, 2010, 333.

⁴⁴ The Prague Spring was a period of political liberalization and mass protest in Czechoslovakia after the Second World War.

⁴⁵ Tarsem Singh Dhandwar (born 26 May 1961), known professionally as Tarsem, is an Indian director who has worked on films, music videos, and commercials.

⁴⁶ Haim David Oliver (1918-1986) was a Bulgarian writer, publicist, and journalist. See also: Pounchev, Borislav, *Eshalonite na Smarta—The Transports of Death* (film), 1986. https://www.imdb.com/title/tt0338506/?ref_=trel_rel_tt

⁴⁷ Dina Iordanova, "Bulgaria", in: *The Cinema of Small Nations*, eds.: Mette Hjort and Duncan Petrie, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007, 93-111. Compare to the fate of Jews who left for Israel, see: Haskell, Guy, *From Sofia to Jaffa, the Jews of Bulgaria and Israel*, Detroit: Wayne State University Press, 1994.

⁴⁸ Frederick Chary, *The Bulgarian Jews and the Final Solution 1940-1944*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1972; Petko Dobčev, *Anti-Jewish Laws and the Struggle against It (1942-1945)*, Sofia: IK Feneja, 2010.

⁴⁹ Marcus Clark, "Chronicling Repression: Bulgarian Cinema under Communist Rule", 22 December 2016. <https://theculturetrip.com/europe/bulgaria/articles/chronicling-repression-bulgarian-cinema-under-communist-rule/>

⁵⁰ Evgenia Garbolevsky, *The Conformists: Creativity and Decadence in the Bulgarian Cinema, 1945-89*, Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011.

REFERENCES

1. Chary, Frederick, *The Bulgarian Jews and the Final Solution 1940-1944*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1972.
2. Clark, Marcus, "Chronicling Repression: Bulgarian Cinema under Communist Rule", 22 December 2016. <https://theculturetrip.com/europe/bulgaria/articles/chronicling-repression-bulgarian-cinema-under-communist-rule/>
3. Comforty, Jacky, with Martha Aladjem Bloomfield, *The Stolen Narrative of the Bulgarian Jews and the Holocaust*, Lanham, Boulder, New York, London: 2021.
4. Daković, Nevena, *Memory Images: Holocaust Memory in Balkan cinema(s)*, *Images*, 23 (32), 2018, pp. 25-37 (Gniezno, Poland, Adam Mickiewicz University).
5. Danova, Nadia, *Culture de la mémoire en Bulgarie d'aujourd'hui à propos de la déportation des Juifs des territoires sous administration bulgare en 1943*, *Bulgarian Historical Review*, 1–2, 2015, pp. 76-93.
6. Dobčev, Petko, *Anti-Jewish Laws and the Struggle against It (1942-1945)*, Sofia: IK Feneja, 2010. *Bulgarian Source: Dobčev, Petko, Antievrejskoto zakonodatelstvo i negovoto preodoljavane (1942-1945)*, Sofia: IK Feneja, 2010.
7. Elsaesser, Thomas, chapter "Rescued in Vain: Parapraxis and Deferred Action in Konrad Wolf's Stars", in: *German Cinema - Terror and Trauma – Cultural Memory Since 1945*, London: Routledge, 2014, pp. 155-172.
8. Garbolevsky, Evgenia, *The Conformists: Creativity and Decadence in the Bulgarian Cinema, 1945-89*, Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011.
9. Haskell, Guy, *From Sofia to Jaffa, the Jews of Bulgaria and Israel*, Detroit: Wayne State University Press, 1994.
10. Holloway, Ronald, *Beyond the Image: Approaches to Religious Dimensions in the Cinema*, Geneva: Film Oikoumene-World Council of Churches, 1977.
11. Holloway, Ronald, *The Bulgarian Cinema*, Rutherford, Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press -and London and Toronto: Associated University Presses, 1986.
12. Holloway, Ronald, *Beyond the Image: Approaches to the Religious Dimension in the Cinema*, Geneva: World Council of Churches in cooperation with Interfilm (Oikoumene), 1977.
13. Horton, Andrew, *Bulgaria: The Cinema of Poetics*, in: D.J. Goulding, ed., *Post New Wave Cinema in the Soviet Union and Eastern Europe*, Bloomington, Indiana, Indiana University Press, 1995, pp. 215–248.
14. Iordanova, Dina, "Bulgaria", in: *The Cinema of Small Nations*, eds.: Mette Hjort and Duncan Petrie, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007, 93-111.
15. Jeleva, Pavlina, *Bulgarian Cinema: Optimism in Moderation*, in: C. Portuges and P. Hames, eds., *East European Cinemas since 1989*, Philadelphia, PA: Temple University Press, 2005.
16. Lapidus, Rina, *Ideal Man in Bulgarian and Soviet Cinema*, *Philology – International Scientific Journal* 5 (35), 2021, 31-36.
17. Liehm, Mira and Liehm, Antonin J., *The Most Important Art: Eastern European Film after 1945*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1977.
18. Marinova-Christidi, Romyana, *From Salvation to Alya: the Bulgarian Jews and Bulgarian Israeli Relations (1948–1990)*, *Southeast European and Black Sea Studies*, 17 (2), 2017, pp. 223–244.
19. Matkovski, Alexander, *A History of the Jews in Macedonia*, Skopje: Macedonian Review Editions, 1982.
20. Nedyalkova, Maya, *Transnational Bulgarian Cinema – Pieces of the Past, Present and Future*, Southampton: University of Southampton, Faculty of Humanities, 2015 (*dissertation*).
21. Nichols, Bill, *The Memory of Loss*, *Film Quarterly*, 56 (4), 2003, pp. 2–12.
22. Petrova, Velina P., *Are We Going to Have a race of Angels? Post-Communist Interpretations of Bulgarian Dissident Cinema*, *Berkeley Journal of Sociology*, 47, 2003, pp. 27-48 (Nationalisms: Negotiating Communities, Boundaries, and Identities, Published By: Oakland, California: Regents of the University of California).
23. Poppetrov, Nikolaj, "Bulgaria, a Country Devoid of Antisemitism? Historical Perspectives," in: Nadège Ragaru, ed., *The Holocaust in Southeastern Europe. The Jews in Bulgaria and in the Bulgarian Territories (1941-1944)*, Paris: E-Éditions du Mémorial de the Holocaust, 2014, pp. 52-63.
24. Pounchev, Borislav, *Eshalonite na Smarta—The Transports of Death (film)*, 1986. https://www.imdb.com/title/tt0338506/?ref_=ttrel_rel_tt

25. Ragaru, Nadège, "Socialism by Proxy: Negotiating Past and Present in the Figuration of the Jewish Catastrophe in Bulgaria in the late 1950s". Communication to the 46th Congress of the ASEES, San Antonio, Texas, 20-23 November 2014.
26. Ragaru, Nadège, The gendered dimensions of "Zvezdi/Sterne" (1959). 27 January 2016. <https://www.eurozine.com/the-gendered-dimension-of-zvezdisterne-1959/>
27. Ragaru, Nadège, Contrasting Destinies: The Plight of Bulgarian Jews and the Jews in Bulgarian-occupied Greek and Yugoslav Territories during World War Two. 15 March 2017. <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/contrasting-destinies-plight-bulgarian-jews-and-jews-bulgarian-occupied-greek-and-yugoslav->
28. Ragaru, Nadège, The Prosecution of Anti-Jewish Crimes in Bulgaria: Fashioning a Master Narrative of the Second World War (1944–1945), East European Politics and Societies and Cultures (Paris), 33 (4), 2019, pp. 941–975, Paris.
29. Ragaru, Nadège, Bulgaria as Rescuer? Fil Footage of the March 1943 Deportation and Its Reception across the Iron Curtain, East European Jewish Affairs, 51 (1), 2021, pp. 36-69.
30. Raikin, Spas T., "Bulgaria", in: Sabrina P. Ramet, ed., Eastern Europe: Politics, Culture, and Society since 1939, Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998, pp. 224-250.
31. Ratschewa, Maria, und Klaus, Eder, Der bulgarische Film: Geschichte und Gegenwart einer Kinematografie, Frankfurt am Main: Komunales Kino, 1977.
32. Stefanov, Pavel, Bulgarians and Jews throughout History, Religion in Eastern Europe 22 (6), 2002, pp. 1-11.
33. Tamir, Vicki, Bulgaria and Her Jews: The History of a Dubious Symbiosis, New York: Sepher-Hermon Press, 1979.
34. Thompson, Kristin and Bordwell, David, Film History: an Introduction, New-York: University of Wisconsin – Madison and McGraw-Hill, 2010 (first edition: 1994).

Материал поступил в редакцию 18.11.24

ЕВРЕИ В БОЛГАРСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Рина Лапидус

Университет Бар-Илан, Израиль

Аннотация. *Евреи играли важную роль во всех аспектах болгарской киноиндустрии. Фильм «Звезды» снял еврейский режиссер Конрад Вольф. Речь шла о нацистском офицере, который влюбился в молодую еврейку, которую поездом увезли в лагерь смерти. Полицейский пытался ее спасти, но безуспешно. Еще одним фильмом режиссера-еврея стала «Болгарская рапсодия» Ивана Ничева. Сюжет фильма разворачивается весной 1943 года. Два юноши, христианин и еврей, соперничали в любви одной и той же еврейской девушки. Когда еврейского юношу и девушку отправили в лагерь смерти, все трое были потрясены, поскольку в своем романтическом энтузиазме не подозревали о существовании нацизма. Фильмы о коммунизме, снятые евреями, были двух видов. Были те, которые поддерживали коммунизм и содержали пропагандистское послание, как, например, фильм «Восьмой», и были те, в которых выражалась негативная критика коммунизма, как, например, фильм «Отклонение». Два юноши, христианин и еврей, соперничали в любви одной и той же еврейской девушки. Когда еврейского юношу и девушку отправили в лагерь смерти, все трое были потрясены, поскольку в своем романтическом энтузиазме не подозревали о существовании нацизма. Фильмы о коммунизме, снятые евреями, были двух видов. Были те, которые поддерживали коммунизм и содержали пропагандистское послание, как, например, фильм «Восьмой», и были те, в которых выражалась негативная критика коммунизма, как, например, фильм «Отклонение». Темы Холокоста евреев и коммунизма, пришедшие из Советского Союза, особенно волновали еврейских кинематографистов в Болгарии; Холокост как беспрецедентная трагедия еврейского народа и коммунизм из-за огромной еврейской активности в интеллектуальной и идеологической сфере в Болгарии.*

Ключевые слова: *Евреи, болгарский кинематограф, режиссеры, актеры, уничтожение евреев во время Второй Мировой Войны, коммунизм.*

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

Международный научный журнал

№ 6 (54), ноябрь / 2024

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ИП Ростова И.А.

Адрес типографии:

Россия, 400121, г. Волгоград, ул. Академика Павлова, 12

Учредитель (Издатель): ООО «Научное обозрение»

Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

ISSN 2414-4452

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Панкратова Елена Евгеньевна

Редакционная коллегия:

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Ансимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук

Бобокалонов Рамазон Раджабович, доктор филологических наук

Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук, профессор

Якубов Жамалиддин Абдувалиевич, доктор филологических наук

Зиямухамедов Жасур Ташпулатович, доктор филологических наук

Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

Редакционный совет:

Новоградец Марина Яйич, доктор филологических наук

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна, кандидат филологических наук

Саидов Якуб Сиддинович, доктор филологических наук

Артамонова Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 26.11.2024 г. Дата выхода в свет: 10.12.2024 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Заказ № 70. Свободная цена. Тираж 100.